

Кулешов Александр
Тайны служебные и личные
или Карибский синдром

16+

Александр Кулешов

**Тайны служебные и личные,
или Карибский синдром**

«Автор»

2018

Кулешов А. В.

Тайны служебные и личные, или Карибский синдром /
А. В. Кулешов — «Автор», 2018

В настоящее время в силу политической ситуации много говорят о ракетах средней дальности с ядерными боеголовками. Они сыграли решающую роль в Карибском кризисе 1962 года. Мобилизация началась с вдохновляющего «ты нужен», но в процессе все превратилось в «ты должен», а это угнетало. Не все шло гладко в то время, не все ложилось в канцелярские рамки и позже. Спасала любовь - когда отдавая, получаешь все.

© Кулешов А. В., 2018

© Автор, 2018

1

Двухгодичники-ракетчики сговорились вместе отдохнуть в воскресенье на загородном пляже, немногочисленном, в удобной доступности – идея пришла от Леши Княжнина, он, единственный из всех владевший четырехколесной собственностью – жигуленком песчаного цвета, прекрасно ориентировался в Рубежанске и его окрестностях. Распределили, кто за что отвечает и с чем должен прибыть к месту сбора. Закупки совершили в субботу. Большая часть добрались до места на рейсовом автобусе с маршрутом от центра Рубежанска до нескольких ближайших деревень и остановками по требованию и оккупировали большую поляну, открытую пологим спуском к вяло текущей реке. Пока компания состояла из пяти молодых мужчин и Валечки, беременной жены лейтенанта Сержантова. Вот такая игра звания и фамилии, база для постоянных шуток сослуживцев и проверяющих, какие уж тут перспективы по службе! Собственно, все они были лейтенантами, одни уже отслужили в ракетной части более года и ощущали себя ветеранами, в подтверждение чего одновременно отрастили усы, другие – только отсчитали первые месяцы после призыва и оглядывались по сторонам, пытаясь приспособиться к непривычной обстановке и безболезненно себя вписать в нее. Володя Сержантов заботливо расстелил легкое одеяло на краю поляны в тени раскидистой сосны, так чтобы одновременно быть вместе со всеми, но и относительно в стороне от шумной и курившей компании. Валечка осторожно – заканчивался седьмой месяц вынашивания плода – опустилась на подстилку и наблюдала за тем, как ее компаньоны разделись до плавок, засуетились с костром и подготовкой к жарке шашлыков, охлаждением водки и пива методом опускания авоськи в речную воду, которая, конечно, была теплая, но все же прохладнее июльского воздуха российской лесостепи. Когда приготовления были завершены, в ожидании прибытия инициатора вылазки Княжнина все дружно бросились купаться, и Валя на возвышении осталась сторожем раскиданных личных вещей и общего съестного и питьевого припаса. Даже при купании в поведении старших и младших по возрасту двухгодичников была видна разница. Одни – Сержантов и Исаев – степенные, уверенные в себе, знающие себе цену, уже успевшие отработать два-три года на серьезных предприятиях и отслужить год в армии, с явным наложением разочарования текущим жизненным моментом и торможением личной эволюции. Другие – радостные и восторженные как щенки, разбрызгивающие вокруг радость жизни – вчерашние студенты, оторвавшиеся от надзора и пробующие все подряд: Кириенко, Коростелев и Назаров. А всего-то разрыв в возрасте три-четыре года, хотя при переходе к математическим пятнадцати процентам разница уже не звучит так пренебрежительно. Когда-то Валечка была сильна в математике, даже побеждала на студенческих олимпиадах, но текущая жизнь беременной офицерской жены оставляла ей для подсчетов только такие простые возможности.

Вблизи загудел клаксон подъехавших Лешиных жигулей. Он выбрался из машины в сопровождении трех местных девушек – ну кто бы сомневался, что он подготовился к тому, чтобы отдых был полновесным во всех отношениях, к «полезным» связям Княжнина в женском обществе Рубежанска все относились со снисходительным пониманием – раскованный, стильно одетый, с модельной стрижкой необходимой длины, чтобы не нарываться на замечания командиров, но в то же время всем показать ухоженность роскошных золотистых волос, он привлекал внимание представительниц прекрасного пола и пользовался им. Естественно, с ним была еще одна спутница – гитара, незаменимый инструмент в притягательном образе готового к приключениям романтика. Правда, романтик уже был в том возрасте, когда нужно выдавать первые успехи в карьерном и социальном росте, но то ли собственные его склонности, то ли призыв в армию на двухлетний срок, то ли совокупность обоих факторов пока не позволяли заявлять о каких-либо достижениях в этом отношении. Как известно, то, на что зрелые женщины обращают внимание, девушек не интересует.

Когда купальщики подтянулись для приветствий и знакомства с вновь прибывшими, Княжнин торжественно, понизив голос, объявил:

– Господа офицеры! Предупреждаю: за нормы приличия не выходить – за кустами на соседней поляне отдыхает подполковник Ваганов. С семьей, – отдельное уточнение о составе соседской группы оставляло ощущение, что Алексею известны и другие варианты проведения свободного времени подполковником, заместителем командира части по технической обслуживанию и обучению. Для всех двухгодичников он был прямым руководителем в их самоподготовке и главным экзаменатором, его уважали за спокойный нрав и взвешенный, без фанатизма, подход к подчиненным.

– Да мы ж тихо, только чуть выпить и закусить, – заговорщицким тоном объяснил общий план мероприятия Сережа Кириенко, сумевший в короткое время своего пребывания в Рубежанске установить необходимые связи и взявший на себя ответственность за покупку мяса и готовку шашлыков. Хотя существительное «покупка» во времена продекларированной Продовольственной программы партии часто подменялось глаголом «достать» – прилавки в магазинах были пустые, нужно было знать куда зайти и с кем поговорить, чтобы обрадовать себя и своих ближних даже незначительным отклонением от скупого общепита.

– Правильно, в армии все можно, только по-тихому, – ответил ему Алексей с чуть заметной улыбкой и тут же предъявил основание для своего предупреждения. – Но даже сбросив португепю и вздохнув полной грудью, нельзя забывать о действующих для вас нормах. Кто дома оставил записку о том, где его искать в случае экстренной необходимости? Думаю, что и подполковник не оставил, но вы его проверить не можете, а он вас... – Княжнин сделал красивое захватывающее движение рукой с удушающим сжиманием ладони и тут же решил прекратить словопрения об опасности соседства с одним из командиров на пляже и приступил к представлению своих сослуживцев прибывшим с ним девушкам: – Сережа обещает нас поразить новым вариантом готовки шашлыков. Достать достойное шашлыков мясо в Рубежанске сродни подвигу иллюзиониста из популярной репризы Аркадия Райкина: «У тебя, иллюзионист, из пустого ведра курица вылетает. Иди обеспечивай народ курицами. Ведра у всех есть, куры не у всех. Тебе каждый спасибо скажет, если честно работать будешь». Скоро оценим Сережины таланты, думаю, он все подготовил для своей маленькой победы. Это, – он указал на Исаева и Назарова, – два Павла, один из Самары, второй – из Москвы.

– Нам к ним так и обращаться: «Два Павла», – пошутила самая бойкая из прибывших девушек, стройная блондинка, в черном купальнике и шифонном платке вокруг уже загорелых бедер, понимавшая, что выглядит отлично, и принимавшая остановившиеся на ней взгляды молодых мужчин как должное.

– Да как вам будет угодно, главное – не перепутать: Павел и Павел, – небрежноотреагировал Княжнин. – А это у нас отличники боевой и политической подготовки – Володя и Витя, – Валечке показалось, что это было произнесено с долей заметного сарказма, когда Алексей указал на Сержантова и Коростелева, она даже обиделась за мужа.

– Но при этом чертовски привлекательные мужчины, – заметила бойкая подруга, сверкнув глазами так, что Валечка почувствовала укол ревности из-за проявленного бойкой незнакомкой интереса к ее мужу. – У них действительно есть значки отличников?

– Нет, значков им еще не вручили, но они реально неисправимые отличники и заслуживают размещения их фотографий на первой странице «Красной звезды»: в службе проявляют невиданное среди двухгодичников рвение, замечаний командования не имеют, а Коростелев не стал тянуть полгода, как мы в свое время, со сдачей на допуск к несению службы, и через месяц с небольшим после начала самообразования получил его и на первом же дежурстве вышел на утреннюю зарядку вместе с рядовым составом, чего себе не позволяют даже кадровые военные.

– Ну этому телу себя не стыдно показать, – с видом опытной ценительницыотреагировала собеседница, бесцеремонно разглядывая обнаженного до плавков Коростелева. То, что он и в школе, и в институте дружил с физкультурой, а еще подкачал свое тело, занимаясь на турнике на заднем дворе хозяйского дома, было заметно: развитые плечи, округлые грудные

мышцы, втянутый живот – красивое сочетание выпуклостей и впадин. Виктор даже гордился, что мог подряд сделать семь подъемов переворотом, хотя склепка, один из элементов солдатской гимнастической подготовки, ему еще не давалась.

– Чему ты улыбаешься? – игриво спросила девушка приглянувшегося молодого человека.

– У меня хорошее настроение, никаких других поводов, – ответил Виктор, выдерживая прощупывающий взгляд потенциальной подруги. Меньше всего ему хотелось выдать смущение от столь откровенного разглядывания – тонкая ликра плавок не защищала от прочтения в глазах опытной девушки, что анатомия мужского тела для нее не является секретом, а он еще не заматерел до состояния, когда такие взгляды становятся безразличными.

– Ну тогда не упускай шанса, – добродушно выкинув в стороны руки, заметил Княжнин, – вон я сколько классных девушек пригласил на нашу вылазку: Настя, Лена и Вика. Нельзя, чтоб они заскучали!

– Меня зовут Настя! – уточнила бойкая подруга и протянула Виктору руку, выказывая добрую улыбку на милом лице. Посланный ею посыл был принят возвратом не менее щедрой улыбки. – Идем, и ни о чем не думай! Если я тебе не нравлюсь, так и скажи, – с легкостью предложила она и потянула к берегу реки, демонстрируя, что конкретные и честные действия ей ближе полупонамеков и всякого рода подмигиваний и вздохов. Валечка облегченно наполнила грудь пропитанным сосновой смолой воздухом: не хватало в ее-то положении отвлекать мужа от навязываемого внимания красивых и развязных незнакомок. Оставленные Настей подруги к знакомству с молодыми людьми отнеслись непринужденно, но и равнодушно – ни на шаг не отходили от Алексея, славного, но ветреного парня, пытаясь поймать порцию его неустойчивого расположения в поисках большого чувства. Валечке стало как-то немного спокойнее за своего мужа.

Пока подходили шашлыки, после непродолжительного купания Княжнин развлекал собравшихся и развлекался сам пением бардовских песен под прочувствованные взгляды настроившихся на романтику девушек. У него был очень приятный баритон, а в игре на гитаре он иногда даже выказывал несомненное мастерство, перемежая пение инструментальными импровизациями. К хоровым упражнениям Княжнин никого не понуждал, осознавая свое превосходство в пении, да и ни у кого не возникало желания вступить с ним в соревнование, как не возникало попытки попросить его исполнить что-то по просьбе слушателей. Он демонстрировал свободу своего выбора от Визбора до народных песен, и все это подавалось легко и непринужденно. Наконец, Сережа Кириенко с довольным лицом преферансиста, обрадованного перспективным набором карт, отвернулся от углей и с торжественной неспешностью внес в круг приятелей поддон с аппетитно пахнущими шашлыками.

– А что, мужики, не худо бы и испить чего под горячее! Мы для чего компанию собрали? – призывно произнес он, и два Павла – Исаев с Назаровым засуетились, кинулись к реке, доставая авоську с водкой и пивом из воды. Девушки отозвались криками непритворного восторга. Быстро распределили и наполнили протянутые со всех сторон бумажные стаканчики. Валечке Сержантов налил болгарского сока из своих припасов. Княжнинские подруги легко согласились на водку.

– Мы здесь не для питья, а компании ради, – Алексей держал инициативу мероприятия в своих руках. – Быть нам нужно вместе и вести себя так, чтобы нас за быдло не держали. А компания у нас одна – двухгодичники, объекты предрассудков и стереотипов со стороны командования и кадровых офицеров. Мы интересны друг другу отсутствием между нами лицемерия и чванства в поисках карьерного преимущества, над нами не довлеют табели о рангах и уставы. Предлагаю выпить за то, чтобы никого не смущала эта кличка, а скорее служила поводом для гордости. Чтобы прийти к тем же позициям, кадровым офицерам необходима дрессировка в четыре года в военном училище, не считая формальный допуск в части, нам же на все – должностная подготовка, изучение-повторение всяких регламентов и уставов, допуск к

несению боевого дежурства – отпускается несколько месяцев, и в итоге мы выглядим не хуже. За нас, друзья! – предложив тост, Алексей пригубил стаканчик с водкой, но как дисциплинированный водитель этим и ограничился в то время, как сослуживцы и гости опрокинули по полному стаканчику.

– А вы можете рассказать, чем на службе занимаетесь? – через некоторое время поинтересовалась Настя, доверчивым взглядом располагая лейтенантов. – Все вы – ракетчики, это понятно, но у каждого должна быть своя функция. Или это тайна? Секретно, потому что у вас расположение в лесу? – Валечка тоже была заинтересована узнать больше о роде занятий молодых офицеров, потому что от мужа обычно ничего не могла добиться, получая стандартный ответ «не курорт» на свои расспросы о службе, и поэтому подобралась поближе к компании. Ее волновали ежедневные ожесточенные телевизионные репортажи и газетные статьи о размещении американских ракет в Европе и афганских событиях, разжевывающие причины международной напряженности империалистской экспансией и классовым противостоянием, приправленные рассуждениями об исторической неизбежности победы марксистско-ленинских социальных идей. Валя видела в новостных выпусках только трансляцию угроз и обещаний. Может, она была очень наивным человеком, но не понимала, из-за чего может начаться большая война на взаимное уничтожение одного лагеря другим, не удовлетворяясь натужными объяснениями телевизионных пропагандистов и политиков и не доверяя их напористости и уверенности в том, что враг готовится. И какие последствия будут у нее – не надуманно-политические, а истинно-человеческие, пусть страшные, больно бьющие по нервам, но обывательски понятные.

– Ну тогда по порядку, – деловито ответил Насте Княжнин, придав лицу немного серьезности. – Витя ставит ракету на пусковой стол и разворачивает ее в нужном направлении. Сережа и я – заправляем топливом, – движение ладоней вдоль тела от живота до горла полностью объясняло производимую с ракетой процедуру, – Володя и Паша-младший задают ей программу полета. – При этом он пальцами ладоней постучал по черепной коробке, отображая сходство баллистического оружия с человеком, и рукой отобразил дугу движения реактивного снаряда в пространстве от старта до цели, поясняя сказанное им. – Паша-старший служит в штабе, ассистирует тем, кто нам дает команду на подготовку ракеты к старту и пуск.

– И вы все это вместе делаете? – уточнила Настя, обводя рукой окружающих молодых людей.

– Да нет. Мы служим в разных батареях. Хотя ты подала интересную идею – создать подразделение с одними двухгодичниками в должностях, батарею инженерского ополчения, – все засмеялись над сказанным, а Настя, не понимая, что в этом смешного, не унималась с расспросами:

– Так стало быть, если ты даешь ракете цель полета, ты – самый главный из всех? – обратилась она к Коростелеву, и тот как-то замешкался с ответом, не находя, что сказать.

– Нет, среди присутствующих главных нет, – пояснил ей Княжнин и, понизив голос, добавил, взмахнув рукой в сторону: – Один из главных вон отдыхает рядом вместе с семьей, но это совсем другой уровень.

– Ну да, его дочка так и стреляет глазами в нашу сторону, так и предлагает себя: возьмите замуж, и мой отец поможет вам сделать карьеру, – неожиданно резко отреагировала одна из молчавших до сих пор Лешиных подруг, представленная при встрече Леной, красивая брюнетка с длинным хвостом темных волос, точеной фигурой и какой-то нездешней смуглостью, подаренной щедрым солнцем. Отметив в уме едкость прозвучавшего замечания, все присутствующие сделали вид, что пропустили мимо слуха резкий выпад одной из конкуренток в борьбе за молодых лейтенантов, считавшимися в Рубежанске завидными женихами. Каждое прибытие в город группы офицеров-новобранцев гарантировало, что среди них обязательно есть те, кто находятся в состоянии поиска, ну почему бы и не попробовать? Валечка про себя

усмехнулась, обнаружив, что те, от претензий которых она приготовилась оборонять свой союз с Сержантовым, оказались ей в своих намерениях даже союзницами, и она уже обратила внимание на стороннюю девушку, пару раз подходившую к поляне и из-за кустов слушавшую душевные песни Алексея.

– Нет, ну правда, кто из вас ракеты запускает? – снова активизировалась с расспросами Настя, обводя наивным взглядом расположившихся в свободном круге лейтенантов.

– Из нас ракету еще никто не запускал, и вряд ли это когда случится, – молчавший до сих пор Володя Сержантов решил дать пояснение. – Да и из кадровых офицеров мало кто делал это на учениях. Виктор на занятиях просто поворачивает ракету в сторону вражеской цели, а я задаю системе управления расстояние до нее. Ну а когда ракета знает направление полета и расстояние до цели, что ей остается? Правильно, уничтожить ее. Но для этого надо нажать кнопку «Пуск».

– Из скромности Володя опустил из своего рассказа, что кунг третьего отделения, где стоит эта кнопка запуска – единственное помещение на стартовом комплексе, которое закрывается изнутри, и в нем располагается его служебный пост, а в подчинении – всего один ефрейтор. В связи с этим спать в нем удобно, и никто не мешает. Ставишь стулья в один ряд, ложишься, пока остальные расчищают старт от снега или опавших листьев и занимаются обслуживанием вверенной им техники, спишь в свое удовольствие. Самое правильное место для двухгодичника, жаль, что при назначении на должность ты еще ничего не знаешь и выбрать что надо не в состоянии. Без рядового состава офицерская служба куда как легче!

– И что, кнопку нажимаешь – и ракета летит? – Настя не отпускала линию расспросов.

– Нет, в обычном состоянии кнопка заблокирована с командного пункта дивизиона, а разблокировка может быть сделана только в случае войны. Поскольку мы с Витей порознь знаем направление и дальность полета, получаемые из боевого задания, то совместными усилиями с применением несложных пересчетов мы можем установить назначение удара. Вся предпусковая возня таким образом обретает политико-географический смысл: рядом с заданной нам целью всегда расположен большой город, скажем, Амстердам, Лондон, Бирменгем или какой-то Ливерпуль.

– Мальчики, да у вас получается, что Земля, как шахматы – игровая зона с четкими целями и вероятными ходами, – брюнетка Лена изложила традиционное представление о человеческом мире как о большой шахматной доске, где супердержавы-ферзи и сателлиты-пешки разрешенными ходами занимают чужую территорию или удерживают свою от посягательств соперников.

– Ага, игровая зона... Когда ты получаешь набор безликих цифр в виде задания, то вроде звучит все отвлеченно, почти не волнует – ну чистая формальность ввести все это в программу полета ракеты. Среди людей считается нормальным, когда военные убивают других военных. Наша ракета предназначена для поражения площадей до ста квадратных километров, а это означает развороченные развалины конкретного города с сотнями тысяч жертв после выполнения тобой служебных действий – с сопутствующими потерями в результате применения оружия никто не считается – ужас охватывает. – Разговор неожиданно принял серьезный оборот. – И последствия для всех нас представить жутко. Это очень страшно. Почему этот город, кто решил, что его надо уничтожить? Недаром пишут, что американские летчики, бомбившие Хиросиму и Нагасаки, по заданию должны были посмотреть, что творится на земле во время и после взрыва. Посмотрели – через какое-то время стали нервными, агрессивными, потом запаниковали от сознания своей причастности к массовому убийству, все закончили жизнь в психушке... Поэтому нам и выдают задание набором цифр направления и дальности полета, чтобы не было понимания сопутствующего ему злодейства. Я во время тренировок вместо кнопки «пуск» просто тыкаю пальцем в стену, – с нескрываемой горечью в голосе от осознания потенциальных последствий выполнения им служебных заданий пояснил Сержантов.

– Ты такие честные мысли держи при себе, не ровен час попадут в ненужные уши – на комиссии по определению вменяемости окажешься раньше, чем нажмешь кнопку или тыкнешь в стенку, Сначала получишь рекомендации чаще бывать на свежем воздухе, больше отдыхать в меру служебной нагрузки, и уж совсем ни к чему на себе примерить положения инструкции «О порядке применения принудительного лечения» – эти специалисты психо-невротического направления сведут с ума надежнее, чем сама жизнь, – замечание Княжнина имело под собой серьезное основание – все читали в газетах о судебном-медицинском преследовании инакомыслящих и всегда с обвинительным уклоном, а потом получали дополнительные разъяснения сначала на занятиях по политподготовке, а затем при прослушивании «Голоса Америки» или «Русской службы Би-Би-Си». По рукам среди друзей, считавшихся проверенными, ходили книжки, обернутые в газетную бумагу – никто не должен видеть ни название публикации, ни имени ее автора, так как они не рекомендовались властью для прочтения. За исключением Солженицина, были это, в основном, рассказы про гражданскую войну, увиденную с другой стороны. Реализма в этих произведениях было много, горького и страшного, но это не было социалистическим реализмом, поэтому запрещалось. Иногда такая же форма передачи использовалась для переводных «Камасутры» и «Техники секса», куда ж без этого. Валечка услышанное от Княжнина восприняла как укол мужу со стороны сослуживца и, почувствовав себя неуютно, прижалась к нему теснее, демонстрируя свою поддержку. Настю Володино пояснение так впечатлило, что расспрашивать о запусках ракет с такими чудовищными последствиями ей больше не хотелось, осознав, что это не тема поболтать и развлечься.

– Ну не будем о грустном, гвардейцы. Как говорится, призывали офицеров, дали в руки средство уничтожить мир, в котором живем, а получили простых людей с их чувствами, сомнениями и правом на моральный выбор. С единой для всех планеты не убежишь и в бункере не отсидишься. Вот солдаты пишут в своих дембельских альбомах: жизнь – интересная книга, а служба в армии – страницы, вырванные на самом интересном месте. Предлагаю выпить за то, чтобы у нас ткань жизни призывом и приказом никогда не разрывалась, чтобы всегда мы чувствовали себя уютно на столько, на сколько необходимо для нашей жизненной позиции.

Под разговор поднос с шашлыками становился все более свободным, а пустые бутылки укладывались стройными рядами. Кто-то шутил, и над шутками смеялись, и все считали друг друга своими, а про кого-то, не слишком активного в общем времяпровождении, почти забыли. Печаль совсем овладела Валиным сердцем. Она полулежа на подстилке наблюдала за отдыхающими блуждающим взглядом, отгоняя назойливо звенящих комаров. Казалось, даже муж оставил ее без ухаживаний и внимания, увлекшись коллективным плесканием в теплой реке. Валечка делала вид, что неплохо проводила время, улыбаясь при перехваченных взглядах на нее, но весело ей не было. К печали подмешивалось еще нечто навязчиво липкое, и она старалась не поддаваться эмоциям, избегая нервного беспокойства, совершенно лишнего в ее положении. Это было похоже на надоедливый писк комара, который, это она знала со школьной парты, и не писк вовсе, а набор звуков, издаваемых крыльями при полете. Но смутная тревога не отпускала, усиливаясь при долетавшем с реки громким смехом резвящихся с лейтенантами девиц. Для собственного успокоения она от комаров, напоминавших о своем существовании ноющим звоном, укутала ноги одеяльцем. А когда муж, вытираясь полотенцем, подошел к скачущей жене, то услышал неожиданную просьбу:

– Володя, убей комара – совсем заел.

После очередного заплыва в реке стало понятно, что кто-то из сослуживцев уже готовился убраться домой, считая программу вылазки исчерпанной, а кто-то думал и искал, чем бы занять остаток вечера. Думали недолго – у Леши всегда были идеи.

– Ну что предлагаю поехать ко мне и продолжить общение, – обратился Княжнин к девушкам и, понизив голос, уточнил Коростелеву: Мой сосед Гордеев – на длинном дежурстве. Так что его комната, если захочешь – в твоём распоряжении.

Девушки не жеманились – с момента приглашения их Алексеем они предполагали, чем день закончится. На каждого по скакуну, как у гвардейцев кардинала из недавно прошедшего фильма по роману Дюма, у них не было, в Лешину машину втиснулись вшестером – Княжнин, Коростелев, Кириенко и местные подруги. Остальные сослуживцы и Валечка распрощались с отъехавшими и остались ждать рейсового автобуса.

Жигуленок к княжнинскому дому домчался быстро, и дальше прибывшие сильно не мешкали. Слышимость через межкомнатные перегородки была потрясающая. И действовало это довольно возбуждающе. Никаких серьезных табу – все по взаимному согласию, прекрасная безрассудность молодости в рассвете сил и дикая отвязность наслаждения. Утром, перебросившись парой легковесных приятных фраз с Настей, выглядевшей радостной и даже одухотворенной, Коростелев бросился к себе на квартиру, чтобы переодеться в форму и успеть к отправке офицерского кунга в часть. Расстались весело и непринужденно, никаких условностей по поводу будущих контактов и записей телефонов, хотя такового в неслужебное время в распоряжении Виктора и не было.

2

Никто не знал, сколько военных НИИ приложило свои усилия для того, чтобы армейская жизнь выглядела поступательной с восхождением к все новым объемам знаний и все более требовательным служебным функциям как базе для повышения в звании или в должности, но конкретно в ракетных частях логика этого движения легко вписывалась в простую схему: после освоения собственного должностного функционала каждый солдат, сержант, офицер должен был осваивать функционал стоявшего над ним командира, чтобы быть готовым при возникновении обстоятельств выбытия части штатного состава подменить его. В офицерских классах, оборудованных в штабе дивизиона и отличавшихся отсутствием политических призывов и выдержек из уставов, основных атрибутов оформления солдатских зон обучения и отдыха, проходили самоподготовку офицеры, которым предстояло получить допуск к несению службы или дежурства или, что редко, восполнявшие свою память повторением уже подзабытых регламентов и положений. И в этом движении Коростелеву, как получившему допуск командиру отделения, для беспрекословного выполнения поставленных задач силами дежурной смены полагалось освоить командование батареей в учебно-боевых условиях. В рамках исполнения обязанностей воинской службы они часто пересекались в классах с Княжнинным, который на год с лишним застрял на том же самом уровне, и это было хорошо и для самоподготовки – было с кем обменяться мнением и обсудить какую-либо часть регламента, относящуюся к зоне, в которой приятель был более осведомлен, и для простого времяпровождения – по-товарищески поболтать в располагавшей к такому секретничанью сумрачной комнате классов с темными зелеными шторами от пола до потолка.

– Ну как тебе Настя, понравилась? – как только они с Виктором получили в спецчасти необходимую для штудирования литературу, полушепотом спросил Алексей так, как спрашивают о только что сделанной покупке или неожиданно полученном подарке. – Хорошая девчонка, без заморочек и претензий. Навязываться не будет, вниманием доставать тоже, когда захочешь, тогда и увидитесь. Она считает, что, если вызовет у кого-то интерес, он сам будет искать с ней контакт и встречи, поэтому если не ищет и не заходит – значит, не запал. Такая вот концепция построения отношений, удобная для нас.

– На развитие привязанности, любви, наконец, она не рассчитывает? – уточнил Виктор, которому случайная связь запомнилась не как приключение, а как подарок – все было просто и искренне, без игры в любовь или расстановки амурно-матримониальных силков. Они с Настей расстались, даже не наметив никаких встреч в будущем, а по прошествии короткого времени он понял, что хотел бы снова увидеть «девушку без заморочек», а встретившись не стал бы бороться с искушением.

– Какая любовь? Это сказка для малолеток, которые не понимают, что с ними происходит. Они изображены в «Ромео и Джульетте», а даже у самого Шекспира не нашлось аналогичного сюжета про людей тридцатилетних или постарше, которые самыми разными способами удовлетворяют похоть. Мы – взрослые люди, и прекрасно понимаем, что каждому самцу нужна самка, а самке – самец. Недаром рядом с каждым военным училищем располагается педагогическое или медицинское, а то и оба вместе. В конце концов, надо же размножаться. А дальше честный циничный торг – на что ты готов пойти за периодическую или постоянную возможность приглубить ее тело при необходимости терпеть ее характер, сексуальные привычки и историю? Что готов предложить взамен? Это называется построением взаимоотношений. И Настя в этом плане проста и не навязчива. Иногда она кажется спонтанной, но за этим каких-то видов и расчетов искать не надо, она сильно отличается от рубежанских деловитых девиц и их домовитых матушек, задалбывающих своей трогательной заботой с борщиками и пирожками при каждой встрече, и романтических мечтательниц, имеющих в запасе в случае несчастной любви план отравления какой-нибудь гадостью типа мышьяка или снотворного. Она не будет требовать сердечной привязанности, не будет изображать ее сама, ей необходимы честные, без напряжения, взаимоотношения. Что и нам нужно при нашем временном расположении в этом заштатном городишке, – Алексей доходчиво объяснил младшему товарищу то, к чему он сам пришел бы самостоятельно методом проб и ошибок.

В отношениях с молодыми офицерами Леша стал почти как старший брат и постоянно вовлекал их в события, имевшие оттенок показного гусарства, с вином и гитарой. Но обсуждать ту часть своей жизни, которую Виктор считал закрытой для внешнего анализа, ему совсем не хотелось, и даже вероятный поочередный доступ к общей знакомой еще не образовывал какой-то базы для взаимного информирования, он не хотел вставать на заезженную дорогу, когда после успеха мужчины начинается унижение женщины. Настороженное молчание приятеля остановило Княжнина от дальнейших расспросов.

Он мгновенно стал мрачным и пришел в дурное расположение духа, потому что обратился к тому, что делать никак не хотелось, и реакция его была открытая и честная.

– Как это все можно запомнить? – воскликнул в сердцах Алексей, повторяя набор команд и действий, предписываемых регламентом командиру батареи при командовании по установке ракеты и подготовки ее к пуску, и хлопнул шумно ладонью по книжке. – Без понимания, что должно произойти до озвучивания команды, что после, все это выглядит бестолковой суетой. Как ты все это запоминаешь?

– Я освоил порядок команд и действий при работе своего отделения, а теперь на этот остров добавляю команды для других отделений. И получается, как в театре – выйти в нужное время и в нужном месте и произнести положенную реплику.

– То есть просто зубришь?

– Ну да! – Коростелев, еще не утративший привычку к обучению, выработавшуюся в период студенческой жизни, легко запоминал регламент по управлению батареями при подготовке ракеты к пуску. – Отдаешь команду на какое-то действие, получаешь доклад об исполнении и выдаешь следующую команду.

– Но одновременно идут несколько процессов. Их нужно синхронизовать во времени и последовательности. У них разные измерения: метры, градусы, литры, амперы-омы, секунды. Если в действиях одного отделения возникла задержка, как это отражается на остальных? На сколько их можно притормозить? Что можно им делать, а что нельзя? Этот долбаный регламент ничего об этом не говорит! – Алексей ударил книгой об стол.

– Прежде чем думать об отклонениях, запомни порядок команд и действий нормального процесса, – простодушно предложил Коростелев.

– Да не могу я это запомнить. Когда сажусь за руль моей лайбы, я тоже следую определенному регламенту: начинаю с внешнего осмотра, потом открываю дверь, перемещаюсь в

кабину, включаю стартер, слушаю шум мотора... А здесь куда как более серьезная техника! Не могу я прокричать команду, не понимая, что за этим должно последовать! Нельзя играть в игру, не понимая последствий! Какая у тебя серьезная мотивация зубрить все это?

– Какая мотивация сдавать зачеты в институте? Просто положено их сдать, – ответил Коростелев.

– Кому положено? Студенту, который должен стать специалистом! А в отношении армейских регламентов у меня все разбивается о простой аргумент: мне это совсем не нужно! Служба – вынужденный и временный этап моей жизни, и себя нужно поддерживать в состоянии уверенности в себе по завершению этого этапа.

– А если остаться в кадрах? – вопрос Виктора ввел собеседника в задумчивый ступор с растерянным выражением на лице, поэтому Коростелев решил уточнить: – Ну написать рапорт и остаться.

Алексей долго пытливо смотрел на сослуживца и наконец произнес с осуждением молодого задора собеседника:

– Ты не делай выводы на основании своих ощущений после трех месяцев службы, ведь речь идет о решении посвятить себя этому делу на двадцать пять лет, как минимум, практически на всю жизнь. Как далеко в этом периоде ты себя позиционировал? Ведь понятно, что в части с устаревшим оборудованием, как наша, выпускники ракетных училищ идут неохотно, считая такое начало карьеры неудачным, они стремятся в места с новой техникой. Ты видел хоть одного молодого лейтенанта в нашей части? А ведь военные училища выпускают офицеров ежегодно с отлаженностью механического штампа. Двухгодичники оказались доступным ресурсом военкоматов для восполнения кадрового голода старых ракетных частей в то время, как кадровые выпускники осваиваются в частях с новым оборудованием. Как говорится в передовицах газет, «задействуют полностью и с высокой отдачей имеющийся производственный и научно-технический потенциал страны». Написав рапорт о переходе на кадровую службу тебе придется состязаться в своих карьерных притязаниях с ними, хорошо образованными, на вооружении, которое ты совсем не знаешь. Дилетанты всегда плохо заканчивают, даже если в руках у них оружие. Ты хоть раз из пистолета стрелял? Как можно решаться обрекать себя на такой полностью проигрышный расклад?! Мне не кажется, что ты готов всю службу отсидеть в капитанах.

Коростелеву стало неудобно от осознания, что в своих рассуждениях он упустил рассмотрение возможностей в скором и отдаленном будущем, ведь он был сосредоточен на том, как вписаться в текущую жизнь, не обостряя ни с кем отношений. И из пистолета он ни разу не стрелял.

– Ты как та такса, которая самоуверенно вышла на бега вместе с борзыми и гончими! Нет у тебя ни знаний, ни навыков, ни природных данных, чтоб их опередить! – шутливо заключил Алексей, наблюдая за приятелем ироничным взглядом. – При любых раскладах выпускник военного училища будет цениться выше носителя диплома гражданского инженера по определению. Не забывай, что ты – двухгодичник! Ты здесь для того, чтобы на всех офицерских собраниях слышать, что теоретические и практические занятия в твоём отделении проходят на низком методическом уровне, чтобы обвинять тебя, что из-за твоего недосмотра или самоуспокоенности произошел какой-то неуставной случай, что ты не прилагаешь должных усилий для повышения своего и вверенного тебе личного состава технического и политического уровня. Это стандартный набор в устах любого командира, подводящего итоги плановых учений или служебных полугодий, ближайшее будет в сентябре. «Не смотря на предпринимаемые командованием усилия отношение к службе офицеров-двухгодичников не может нас удовлетворять!»

Приятель был прав в том, что в каждой батарее было по два-три капитана в возрасте за тридцать, а то и сорок лет, отставших от своего возрастного эшелона с майорскими и выше

погонами, которые не имели интереса повышать свой уровень, потеряли мотивацию, выпав из поступательного служебного движения вверх. Они, что называется, тянули лямку в ожидании пенсии, освоив искусство быть тихими и незаметными, обтекать вызовы, никогда не бросаться первым, избегать неприятных вопросов и ответов, отрешаться от жесткой логики служебного рвения. Не надо «рвать пупок» в обеспечении успеха более молодым, не надо встраиваться в чужую служебную модель. Потерянных лет не вернуть, а оставшиеся надо прожить без печали и забот. Шанс так существовать был у всех самых тупых и ленивых за такие деньги, которые в гражданской среде такие «спецы» никогда в жизни даже близко не получили б. Понятная и привычная среда давала простор для сносного существования без особых хлопот, когда на вопрос «когда?» самый правильный ответ не час или дата, а «своевременно», когда вопрос «кто составит компанию в картишки?» немедленно находил многочисленный отзыв любителей преферанса.

– И кроме этой бестолковой суеты с освоением служебных регламентов нам навязывают так называемое соревнование с набором тщеславных целей, к которым сам без стороннего напора и доводки никогда бы не шел, – замечание Алексея определенно подчеркнуло, что двухгодичники в самом деле плохо вписывались в офицерское сообщество, в котором следование традициям и служебному ритму считалось основной добродетелью. Двухгодичники стали серьезной головной болью для командиров, в открытую говоривших о слишком большой разнице в менталитете и воспитании выпускников высших военных и гражданских училищ, в понимании порядка и свободы. Не получив от Виктора сигналов о готовности к продолжению разговора, Алексей достал сигарету и, разминая ее, отправился на перекур.

В процессе самоподготовки настал великий момент, когда Коростелев понял, что запомнил все. Он повторил все команды по сценарию регламента работы батареи на старте легко и без запинки. Это было круто! В общем, казалось, что руководить батареей просто.

– Я готов, – сказал он Алексею, вернувшись из курительной комнаты.

– Ты это все помнишь с военной кафедры?

– Нет, на кафедре нас готовили в ПВО, в РВСН я по капризу военкомата.

– То есть для тебя это все вообще в новинку?

– Да, нас по списку военной кафедры вызвали в военкомат на медосмотр и выдали предписание явиться в штаб соединения номер такой-то, в нем о роде службы ничего не говорилось, оттуда направили в штаб дивизии, и наконец – в ракетную часть. Во время этого перемещения я понял, чем предстоит заниматься.

– Все, как всегда, тупо и бездарно: заткнуть дыру первым попавшимся под руку материалом. Ну как зимний поход для зачета ГТО в институте: выгнали толпу на заснеженную лесную тропу, и топайте друг за другом в указанном направлении. Галочку кто-то поставил, не считаясь ни с расходами, ни с последствиями такого неподготовленного мероприятия для случайных участников, – с горькой безысходностью Леша включил призыв Коростелева в армию в свое видение ситуации в стране, где канцелярская воля заменяла логику и целесообразность. Через момент, хмыкнув, он заговорщически добавил: – Но не торопись подавать сигнал командирам о готовности к сдаче зачета, чтобы другие двухгодичники, не способные на такую прыть, на твоём фоне не выглядели дебилами.

3

Хотя лейтенант Коростелев отметил себя успешной сдачей на допуск к несению службы в должности начальника отделения, для полноценного исполнения возможных боевых задач ему еще нужно было ознакомиться с запасными стартовыми позициями, расположенными на расстоянии десяти-двенадцати километров от стационарной. На экзаменовке подполковник Ваганов так и сказал: «На мой взгляд, ты, лейтенант, заслужил хорошую отметку, при условии, что в течение двух недель съездишь в Хутру, чтобы своими глазами увидеть и запомнить дорогу и

расположение резервных стартов и при необходимости вслепую их найти и обеспечить выполнение боевого задания из неожиданного для вероятного противника места».

Выполнить такую поездку можно было только в выходные дни, так как дорогу и разные секретные пометки в лесу мог показать прапорщик стартового отделения Авдеенко, да и то при условии, что он не попал в состав текущей дежурной смены батареи, поэтому в поездку отправились значительно позже срока, определенного командиром, как только необходимые условия совпали, что случилось через неделю после вылазки на шашлыки. Прапорщика назначили старшим машины, хотя по логике им должен быть старший по званию, ведь в кабину старенького ЗИЛа рядом с водителем они втиснулись вместе с лейтенантом – надо же видеть и запоминать дорогу и необходимые повороты. За рулем сидел рядовой Овчинников, сосредоточенный, как любой водитель, которому выпадало вести машину раз в несколько месяцев. Соответственно, и скорость движения была очень низкой, адекватной мастерству и опыту шофера. Для него, как и для лейтенанта, эта поездка была первой вылазкой в Хутру.

Никаких печатных руководств по работе ракетной батареи с резервного старта не существовало или не было предъявлено Коростелеву для самоподготовки. В спецчасти имелся лишь не привязанный ни к каким земным ориентирам регламент подготовки резервного старта, заключающийся в геодезической проверке зоны работы и укладке фундаментных плит под стартовую позицию, поэтому выезд был важен передачей устной информации от сведущего служащего Авдеенко к несведущему Коростелеву. Лишь только по завершении этого нулевого строительного цикла и установки на фундамент пускового стола в действие вступала инструкция по подготовке к пуску ракеты, знание которой лейтенант уже подтвердил зачетом. Прапорщик, не упуская из виду действий водителя, рассказывал начальнику, что нервный выезд на запасную позицию по учебно-боевой тревоге обязательно бывает два раза в год: один при хорошей погоде в августе-сентябре, а другой зимой, часто в распутицу, поэтому для второго варианта в лесу делаются зарубки на деревьях, иначе занесенные снегом реперы геодезической системы найдешь не сразу, а время шло по стоимости аттестаций, наград и карьеры. Отправка передовой группы стартового отделения носила особый характер: если вся батарея двигалась единой колонной с ракетой, установщиком и стартовым столом, дизелями, кунгами всех отделений и заправочной техникой, то ЗИЛ стартового отделения выезжал первым в составе начальника-лейтенанта, водителя, сержанта и солдат геодезического расчета для выполнения проверочных работ до прибытия основных сил, чтобы по их приходу сразу приступить к раскладке фундаментных плит под стол, установщик и ракетную тележку. То есть сначала нужно построить стартовый комплекс из бетонных компонентов прежде чем начать выполнение боевой задачи.

В город не въезжали, используя малозаметную лесную грунтовую дорогу для выхода на шоссе, вероятно, предназначенную именно для этой цели, никакой хозяйственного назначения у нее не просматривалось, ну разве что для вывозки валежника. Проскочили Хутру – вереницу мазанок вдоль дороги с яркими цветами георгинов в полисадниках, с пасущимися у обочины коровами и ленивыми стайками гусей, обычное село, в котором на вопрос, как живут, в ответ раздавались только одни жалобы на плохое руководство и недосмотр начальства, а на похвалу красоты и простора мест проживания излучали благодарную улыбку за приятные слова. Жили они здесь, где когда-то поселились их пра-пра-прадеды, и в организации их жизни мало что менялось с привычкой к размеренности и стабильности и наивного доверия любой похвале и комплименту. Но стоило об этом сказать в открытую – озлоблялись и бычились, правда воспринималась как плохой отзыв, а это про их места пришельцам говорить не положено. У щита с надписью «Хутринское лесничество. Охраняемая зона. Вырубка деревьев и земляные работы запрещены» свернули на укатанную грунтовую дорогу, направляясь вглубь соснового бора. При виде щита Коростелев подумал о том, что он давал подписку о неразглашении гостайны, неужели лесничий, который несомненно знал о существовании геодезических знаков, зарытых

в подведомственном ему лесу, также вовлечен в систему соблюдения государственных секретов? А как он тогда обеспечивал вырубку сухостоя и уборку валежника? И щит являлся специальным знаком, намекающим посвященным на расположение особо секретной зоны?

Заметив на толстом стволе раскинувшейся у дороги сосны известную ему зарубку, Авдеенко дал указание водителю свернуть вглубь леса и через несколько покачиваний грузовика на раскатанных тяжелым транспортом рытвинах – заглушить мотор посреди относительно просторной поляны.

– Приехали! – открывая дверцу кабины, произнес прапорщик и выпрыгнул наружу. Лейтенант последовал за ним и сразу увидел на широко расчищенной поляне несколько ям, слегка прибранных ветками.

– Это вот под фундаментные плиты, – пояснил Авдеенко. – Никто их не закапывает, чтобы зимой не долбить ломами. Так ветками слегка маскируем.

Пока прапорщик показывал командиру расположение запасного старта с объяснениями в отношении предназначения каждого из участков выделенного для военной деятельности леса, сержант Прохоров с рядовыми Овчинниковым и Бессоновым автономно от начальства освобождали от веток места закладки геодезических знаков, а затем занялись установкой теодолита и визирных целей. Для сержанта, ожидавшего дембель по осени, кроме вот таких выездов для инструментальной проверки устойчивости реперов, за плечами были уже три учения с подготовкой к пуску ракет в полевых условиях. Прапорщик в действия сержанта не вмешивался, не только потому что доверял, но и из-за нелюбви к математике – всегда кажется мутным то, чем не хочешь заниматься: снимать показания с теодолита, высчитывать отклонения и среднеквадратичную погрешность, пусть этим занимается тот, кто в этом больше понимает. В его сознании работа стартового отделения легко делилась на понятную механическую часть с участием установщика и ракеты и близкую к колдовству оптико-геодезическую, к которой не лежала душа сельского механизатора, подписавшегося на кадровую военную службу. Он с удовольствием давал объяснения Коростелеву в отношении первой части и уступал инициативу сержанту, когда лейтенант проявлял интерес ко второй, а осознав, что Коростелеву угловые движения теодолита, заглядывание в объектив, проверка записей в формулярах и расчетов, сделанных Бессоновым и Овчинниковым, более интересны, занялся разжиганием костра, так как в выезде на запасную позицию ракетной батареи есть несомненная радость для участников в пикнике с продуктами, выделенными по разнарядке старшиной, и привнесенными запасами из дома прапорщика.

Коростелев к сержанту Прохорову относился с явным уважением, не только потому что его знания в области геодезии были того достойны, но и потому что у сержанта с подчиненными ему солдатами не было никаких зримых иерархических построений. Совместная служба, совместная действия. Никаких грубых окриков, обзываний для укрепления собственного авторитета, никаких жестких требований к рядовым в его расчете.

Лицо прапорщика бронзового отлива, изрезанное морщинами, то ли от пронизывающих ветров на стартовом комплексе, то ли еще от каких факторов, расплылось в улыбке, когда сослуживцы, закончив проверку геодезической системы, подошли к костру. В отношениях с пьянством Авдеенко замечен не был, по понедельникам после выходных от него никогда не несло перегаром, в выходах с другими прапорщиками после службы «на пенек» – принятом способе отметить памятную дату или служебную отметку – не участвовал, но печать раннего старения была составной частью его облика. В панибратском общении ему скорее приклеивалось «старик», чем «отец».

– Ну что бог послал! – показал прапорщик рукой на вареные яйца, черный хлеб с маслом, полученные в дивизионной столовой, и домашние пирожки, приготовленные его женой. Набросились на еду с нагулянным аппетитом, получая особое удовольствие от поджаренных

на костре хлебных ломтей, сдобренных растекающимся на глазах маслом. По мере гашения голода завязалась беседа.

– Вот у нас в ангаре стоят две ракеты, соответственно, к ним, наверное, у головастиков хранятся две головных части. В случае войны мы отстреляем эти две ракеты, а дальше что делать будем? – спросил сержант, обращаясь к лейтенанту.

– Вопрос справедливый, но в программе подготовке батареи я не видел никаких тем, относящихся к этому периоду после пуска ракет, – поддержал его рассуждения Коростелев, пересылая вопрос прапорщику. Ему тоже ничего не было известно об использовании персонала ракетных войск после выполнения прямого боевого задания, никто ничего об этом не говорил, и никто не ставил задач по самоподготовке и соответствующему обучению служащих вмененного ему отделения.

– Но это же неправильно – нас должны к чему-то готовить! – продолжал настаивать Прохоров, поблескивая широко расставленными глазами на умном лице, ну как отличник на практическом занятии в институте пристаёт к руководителю с осевшей его идеей. – Всем понятно, что ракета – оружие первого удара, война на этом не закончится и дальше будет продолжаться, нас должны куда-то использовать.

– Это вот, там куст разросся – срубить его надо под корень, чтобы не мешал тебе в работе, зимой снегом привалит, точно ветки лягут на пути геодезического хода, – включился в разговор Авдеенко, неопределенно махнув рукой в сторону леса. – А начальство разберется, что с тобой делать после того, как ракета накроет цель.

– Ну мы должны представлять, к чему готовиться. Вот я уйду на дембель, а если война – куда меня призовут? – пояснил сержант, понимая, что должен у командования быть план мобилизации, по которому и ракетчику запаса должна быть предусмотрена какая-то четкая задача. Рядовые Бессонов и Овчинников выжидательно поглядывали на лейтенанта и прапорщика, разговор им был тоже интересен. Солдатам подчиненного Коростелеву отделения понравилось заводить с ним околополитические разговоры с того момента, когда на политзанятии на вопрос, почему блок НАТО все время растет – вот только что Греция вернулась, а Испания вступила в него, а Варшавский договор, потеряв Албанию, остается замороженным по составу, он дал понятное всем разъяснение: неуверенные в себе люди тоже стремятся присоединиться к какой-то кажущейся им сильной группировке, объединение шестнадцати стран для многих кажется мощнее объединения семи стран, поэтому и принимаются такие решения. Им было неизвестно, что столь доступное и простое заключение Коростелев не сам сделал, а заимствовал у Княжнина, который всегда кроме классовой сплоченности и идеологической обоснованности мог видеть простые для понимания причинно-следственные связи.

– В рамках расчистки территории запасного старта, это вот, займись вырубкой кустов и по ходу установщика, – жестко сжав губы твердо указал прапорщик. Часто используемая им вставка «это вот» в солдатском обиходе переросла в кличку «Эта вот», которой солдаты называли за глаза Авдеенко. – Даже одна достигшая цели ракета оправдывает всю твою подготовку.

– Я так и знал, что все несанкционированные рассуждения в нашей стране кончаются отправкой стройными рядами на лесоповал! – ехидно заметил Прохоров и отправил Овчинникова к кунгу за топором. Сержант был родом из Кировской области и имел представление о том, что сказал: немало народу прибывало туда совсем не по комсомольской линии.

– Это вот, они будут проситься после в город заехать. Нужно отследить, чтобы в магазине чего ненужного не купили, – как только они остались наедине, прапорщик наставляюще озвучил лейтенанту распространенную в его кругах установку о том, что, если держаться подальше от начальства, то беспокойство придет от рядового состава.

Удивленный высказанной предосторожностью Коростелев уточнил:

– Да это же самые, можно сказать, дисциплинированные военнослужащие в батарее!

– Они могут купить водку по наказу кого-то другого, от этого никто не застрахован.

Когда, на взгляд Авдеенко, расчистные работы были закончены, группа переехала на вторую запасную позицию, отстоявшую от первой в трех-четыре километра. Съезд с шоссе в сосновый бор этого участка также оказался помеченным щитом, предупреждавшим о запрете вырубке леса и земляных работ. Позиция Коростелеву показалась более расчищенной, чем предыдущая, и прапорщик пояснил, что последние два выхода на запасной старт по случайности или по задумке начальства батареи выполняла именно сюда.

– А может быть еще позиция, о которой мы пока не знаем? – полюбопытствовал Прохоров. – Ведь заложить геодезические реперы не так трудно, и не использовать их до поры до времени?

– Вот для этого мы и тренируемся на выезде, чтобы быть готовыми с любой точки земного шара выполнить работу. Когда учебно-боевые стрельбы выполняются на полигоне, там позицию находят по только что полученному заданию, – с видом знатока военных премудростей ответил Авдеенко.

– А вы на полигон выезжали? – поинтересовался Коростелев.

– Выезжал в составе сборной группы из нескольких батарей. Все сделали в пределах нормативов, – с гордостью уточнил прапорщик. – И цель поразили точно по вешке, вот так, – он поднял вверх указательный палец и движением другой руки выразительно уложил его в кулак, и, если бы Авдеенко был в текущий момент в парадной форме, наверняка, на груди ярко бы засиял наградной знак за успешно выполненное учебно-боевое задание.

Перед логичным завершением программы выезда возвратом в часть заехали в город – настояли солдаты в поощрение за выполненную работу, ну как в рамках официального задания упустить такую редкую возможность хоть на несколько минут окунуться в обстановку, из которой каждый из них был вырван на долгие два года, и на время позабыть о построениях, муштре, уставах, наведении порядка в казарме, вокруг нее, на стартовой позиции и в закреплённом секторе возможной круговой обороны. Потягивая лимонад из горлышка бутылки, смотрели по сторонам у продуктового магазина, гурманно смакуя дуновения гражданской жизни, забыв о сложном международном положении, провожая долгим жарким взором каждую проходящую мимо девушку. Сержант Прохоров с чувством обнажая вырвавшуюся из-под запрета страсть шелестящим шепотом спросил лейтенанта:

– Как же вы тут живете?

– Да так и живу: утром на службу в дивизион, весь день там, вечером обратно в город, поужинал, а там и спать пора...

– Да я не об этом. Вон сколько девчонок красивых ходит. И я каждую хочу. Теперь полночи, как монах, буду подавлять дьявольские соблазны, как из болота вылезать – чем больше борешься, тем больше вязнешь в мыслях и желаниях. А вы это видите каждый день, у вас такие чувства должны быть и возможности приятно провести время, – сержант не скрывал зависти атрибутам неказарменной жизни, – Вот на дембель уйду и сразу женюсь.

– А на ком жениться есть? Подруга ждет? – сержант из внутреннего кармана гимнастерки с достоинством извлек документы, среди которых оказалась фотография симпатичной девушки, которая позируя при съемке смотрела в камеру с каким-то вызовом.

– Желаящие найдутся, – самоуверенно и в то же время с настороженностью ответил Прохоров.

– За время службы чувства поостыли?

– Нет, но повыбирать хочу. Может, и она уже не так чтобы любит. И я сомневаюсь, смогу ли с ней такой через десять или двадцать лет жить.

– Когда планируешь жениться все представляется в радужном свете, а вот совместная жизнь, это вот, требует более однородного окраса, – из позиции, с которой хорошо просматривались все действия солдат в магазине, и исключались закупки несанкционированных для потребления или ввоза на территорию части жидкостей, философски заметил Авдеенко, глу-

боко затягиваясь папиросным дымом. Заметив эти предосторожности прапорщика сержант Прохоров с ехидной интонацией отметил Коростелеву:

– Никто пузыри брать не будет. Ни к чему это, – и увидев сомнение в глазах лейтенанта, понизив голос, пояснил: – На поляне всегда раздобыть можно.

– На какой поляне? – изумился Коростелев.

– Есть места, – неопределенно ответил сержант, – где все накроют, продадут и купят.

После магазина зашли в фотоателье. Для сержанта и рядовых было важно, чтобы с ними снялись лейтенант и прапорщик, ведь в условиях батареи фотографирование было запрещено, а вся память о службе перемещается в дембельский альбом со снимками, сделанными при вот таких выездах в город. Это ведь удача сфотографироваться с лейтенантом и прапорщиком одновременно! Такая карточкам с командирами найдет почетное место в альбоме. Забрав выполненные заказы по квитанциям оставшихся в дивизионе сослуживцев, присели перед ателье. Служба шла медленно, но в такие моменты все были рады насладиться ее медлительностью.

– Ох, какая цыпа! Как с обложки «Советского экрана»! Лейтенант, вы ее не знаете? – обратил внимание Прохоров на красиво выступавшую по тротуару девушку в свободной белой блузе, в обтягивающих джинсах с ярким красным поясом и красными же туфлями. Коростелев сразу узнал Лену, случайную знакомую с вылазки на шашлыки и поездку на квартиру Княжнина. Смуглая стройная красавица изящно продвигалась по тротуару, прекрасно понимая, что привлекает к себе внимание и тем, что хороша собой, и тем, что со вкусом одета, и тем, как звонко цокают каблучки по асфальту. Виктор поднялся с лавки для приветствия со счастливой улыбкой, но девушка, скользнув нейтральным взглядом по группе военнослужащих в застиранной форме и пыльных сапогах, не показала никаких признаков радости незапланированной встрече – случайное совместное времяпровождение в патриархальном провинциальном Рубежанске еще не формировало повод публично выказывать существование связи между молодой женщиной и мужчиной, а уж тем более, со свидетелем связи – кто знает, что происходило в соседней комнате? Покачивая туго стянутым пучком волос Лена спокойным красивым шагом продефилировала мимо восторженных солдатских глаз, устремленных на нее. На лице Коростелева проявился оттенок разочарования отсутствием ответного сигнала от прошедшей мимо девушки, откровенный облом в присутствии также испытывавших выброс гормонов подчиненных.

– Это вот дочка капитана Левко, – обронил прапорщик. – Жидковаты будете на что-то тут рассчитывать, – по интонации в голосе Авдеенко можно было понять, что ему известно многое о прошедшей мимо гордой девушке. Но расспрашивать при подчиненных Коростелев не решился, все еще испытывая конфуз от того, что его откровенно проигнорировали.

– А я бы попробовал, – настойчиво заметил Прохоров. – Нельзя сдаваться не попробовав.

Отследив взглядом, что Лена зашла в кафе-кондитерскую «Порубежье» и не вышла оттуда до той поры, когда он отправил машину с сослуживцами в часть, Виктор, поблагодарив небеса за то, что старшим машины назначен прапорщик, тут же переключился со служебной жизни в частную. Девушка с чашкой кофе сидела в пустом зале заведения и курила сигарету. На столе пачка «Союз-Аполлон», только что купленная вместе с кофе, дополняла картину – табак из американской Виргинии очень вписывался в общий облик уверенной в себе молодой женщины, выбирающей и умевшей выбрать нужное ей в жизни.

– А, лейтенант. Присаживайся! – запросто предложила она, привлекающе перекинув туго стянутый пучок волос через плечо, приветливая улыбка вспыхнула и тут же погасла в темных прищуренных глазах. В новых условиях при отсутствии свидетелей она демонстрировала готовность к контакту. Виктор поспешно заказал кофе и пирожное «Картошка» толстой работнице общепита, исполнявшей функции бармена, и расположился напротив Лены.

– Ну что сегодня вместо пробежки с солдатами вывез их в город? – с усмешкой спросила девушка, показывая, что запомнила рекомендацию Княжнина на своего сослуживца.

– Да нет, сделали тренировочный выезд на запасную позицию и перед возвратом в часть заехали сфотографироваться, – смущенно пояснил Виктор.

– Как интересно! – отреагировала Лена, равнодушным тоном показав, что подробности ей ни к чему.

– Я бы хотел увидеть Настю, как мне ее найти? – отбросив лишние реверансы, Виктор высказал причину, по которой он отследил маршрут Лены и пошел на контакт. Дрожащий голос выдал его волнение.

– О-о, запал? – девушка медленно затянулась, задержала у лица руку с зажатой между ухоженными пальцами сигаретой, и выпустила дым прямо в лицо собеседнику. – Может, и я на что гожусь?

В это время барменша окликнула Виктора, звякнув чайной ложкой по блюду с чашкой:

– Молодой человек, забирайте ваше кофе! – последовавшие действия по отходу от стола и возврату к нему позволили оставить без ответа заданный вопрос. Глотнув светлокориичневую жидкость со слабым запахом кофейных зерен, Виктор пояснил:

– У меня ни адреса, ни телефона...

Лена изучающе посмотрела на собеседника, помедлила с ответом, как бы взвешивая, что сказать, и наконец произнесла, смакуя каждое слово:

– Постоянство – хорошая черта. Сегодня она на работе. Но я ей передам, что ты хочешь пообщаться и завтра в полдень ты будешь ждать в этом же кафе.

– Где она работает? Я ее могу встретить... – Виктору стало немного неприятно от принятого за него решения по месту и времени встречи, и своим вопросом он давал понять, что он сам может свободно уладить вопросы личной жизни.

– У нее ночная смена, – резко оборвала его Лена и, сверкнув темными глазами, смягчив тон завистливо добавила: – Завтра. Везучая Настя: всегда берет то, что ей надо, и не промахивается. А то все примериваешься, присматриваешься – а шансов все меньше и меньше.

Как только Виктор занес ложку над пирожным, Лена грубо толкнула его руку:

– Никогда не бери эту гадость! Ты знаешь из чего ее делают? – Виктор изумленно смотрел на властно действовавшую девушку. – Из обрезков, крошек, неподнявшегося бисквита с добавлением комбижира и заменителя какао-порошка. У меня диплом технолога пищевой промышленности. – Наконец-то собеседница объяснила свою резкость, прервавшую перекус молодого мужчины на самом пике выделения желудочного сока. – Мне страшно смотреть, как кто-то кладет эту канцерогенную смесь в свой рот.

Коростелеву пирожное «Картошка» нравилось, но из уважения к дипломированной собеседнице и ее объяснению он положил ложку в блюдо рядом с комком, как она считала, канцерогенной смеси. Лена удовлетворенно качнула головой, и тут же загасив сигарету, мягко кончиком языка провела по губам, встала из-за стола:

– Дела, я побежала. Пока, корнет, – с привлекательной грацией во всей фигуре девушка процокала каблучками к выходу из кафе. Каждому фрукту необходимо время созреть. Не все сразу.

Растерянность мужчины в присутствии женщины безошибочно выдавала силу полученного гормонального удара. Слова прощания замерли на устах Виктора, а потом он быстро доел «Картошку», запив остатками слабого кофе под ироничным взглядом работницы кафе – в маленьком городке все друг друга знали и с наивным удовольствием наблюдали за событиями чужой жизни.

К полудню следующего дня Виктор уже в гражданской одежде – рубашка в клеточку, холщовые брюки и кроссовки – сидел в кафе, пил кофе, ел канцерогенную «Картошку», поглядывал на часы, посматривал за окно – Настя явно задерживалась. Если бы он ждал прихода Лены, то, как он понимал эту девушку, задержаться, чтобы парень дошел до кипения, было бы в порядке вещей, но все, чем ему запомнилась Настя – простота и искренность – не предполагало такого хода событий. Среди всплывающих в голове мыслей, появилась совсем неприятная: «А вдруг Лена просто подшутила над ним?» Ведь он поверил ей, предполагая наличие у девушек постоянной связи на основании их прибытия на пляж вместе с Лешей. Но у романтического Княжнина в городе много знакомых, и они могли оказаться просто попутчицами на один день. А сейчас в отместку за его откровенный интерес к другой девушке где-нибудь из укромного места Лена наблюдает за ним и издевательски хихикает?! Виктор, погруженный в сомнения, крутил, мусолил, мял в руках алюминиевую чайную ложку, пока не заметил, что она начала гнуться, а толстая работница общепита уже переживала за сохранность социалистической собственности.

Накрутив себя мыслями о возможном розыгрыше со стороны Лены, Коростелев уже готовился покинуть кафе, как дверь распахнулась и в заведение вошла Настя, изящная в юбке-карандаш и футболке цвета слоновой кости. Во всем ее облике выступала сдерживаемая облегающей одеждой сексуальность, словно тело было условно прикрыто, демонстрируя все соблазнительные линии, выпуклости, словом, все, что создает броский формат с непреодолимой эротической привлекательностью. Виктор с трудом поднял глаза выше ключиц, выслушав объяснение девушки, что в воскресенье рейсовые автобусы и так редки, а тут еще он сломался на линии. Не отрывая глаз от Насти, он молчал, не находя нужных слов.

– Время обеда. Есть предложения? – вопрос вернул к жизни онемевшего лейтенанта. И тут до него дошло: девушка оделась, чтоб себя показать, а в скромном Рубежанске это означало «выйти в люди», а говоря проще, посетить ресторан. Денег должно хватить. Приглашение было принято благодарным лучистым взглядом. Лучшим рестораном города считался гостиничный, на центральной площади, где по вечерам работал вокально-инструментальный ансамбль, и собирался весь свет рубежанского общества. Неторопливый проход по центральной улице городка – заузенная настига юбка не позволяла делать широкие шаги – сопровождался внимательными взглядами всех прохожих и зевак вслед красивой молодой паре. Друг друга в Рубежанске все знали, новых лиц немного, все на виду, любые события любопытны. Даже если ты сам кого-то не запомнил, люди знали, где ты живешь, и отслеживали все контакты и перемещения.

В ресторане Настя поразила Виктора тем, что ее поприветствовали официантки как завсегдатайку. Получив ответ на дежурный вопрос сдержанного советского обслуживания «У нас сегодня битки и поджарка. Что заказывать будем?», официантки, в основном, жены офицеров и прапорщиков, отступив к входу на кухню бесцеремонно уставились на посетителей – в обеденное время ресторан пустовал, и быть любопытным никто не стеснялся. Одно дело бездушно носить еду и собирать деньги, и совсем другое – быть свидетелем проявлений свежего искреннего чувства, о котором мечтала каждая женщина. Смущенный таким вниманием, Виктор не помнил, что говорил, что уже сказал, что, поддерживая беседу, повторил. Настя, выказывая непринужденность и притягательность, держала все под контролем: подачу вина, сервировку приборов, вынос блюд, непринужденную беседу с Виктором, глазение на них обслуживающего персонала и прикрытое смущением влечение молодого человека к ней. Тема для обсуждения находилась всегда, обоим интересная. Никакого напряжения ни в одном моменте. Настя выглядела на столько чудесно и притягательно, что удержаться от того, чтоб ее коснуться, не было никаких сил. Через некоторое время она, насладившись подрывом душевного здоровья работниц общепита, попросила счет, и когда Виктор рассчитался, удивила его прямым предложением, простодушно шепотом спросив:

– Продолжение у тебя на квартире? – удовлетворенно сверкнув глазами, Витя покраснел, на выходе из ресторана взял Настю за руку и повел к своему дому мимо тополей, выбеленных на метр от земли местным коммунальщиком, таковы были стандарты красоты в Рубежанске. Редкие пешеходы с откровенным интересом разглядывали их, удовлетворяя понятный запрос на свежие впечатления. Шли, словно совершали променад – насколько позволял короткий шаг обтягиваемой юбкой ног, хотя чувства в нетерпении уже вставляли ключ в дверной замок съемной квартиры.

По нормам воинская часть должна была предоставить жилье всем офицерам, включая двухгодичников. После прибытия в дивизион им обеспечили по койко-месту в офицерском общежитии в комнате на троих или четверых, а по мере созревания понимания, что жить на казарменном положении при многочисленных позовах, свойственных молодому организму, совсем не с руки, начальник по тылу провел беседу с недавно прибывшим офицерским пополнением, в которой разъяснение граничило с понуждением, о том, что и кадровых военных в городе жильем не всех обеспечивают, пребывание в общежитии может растянуться на весь срок их службы, поэтому будет правильно, если они сами подыщут себе квартиры в частном секторе. При не очень богатом предложении Коростелев выбрал себе комнату в доме недалеко от центра Рубежанска, поблизости от места сбора офицеров при выезде на службу. Обставлена она была как попало: шкаф, стол, старенькая скрипучая кровать, но чистенькая, недавно побеленная, а главное – сразу у входа в дом, в стороне от холла и хозяйской спальни, с одним подслеповатым окном, выходящим на веранду. При знакомстве с квартирантом хозяйка, одинокая религиозная дама пенсионного возраста с одутловатым лицом, уставившись на вчерашнего студента, завела волюнку о правилах проживания, первым из которых шло «соблюдение благопристойности», и уже вторым – своевременная оплата. Коростелев в беседе изобразил из себя кроткого жильца и легко прошел вступительный экзамен. Виктор знал, что по воскресеньям на общественных началах хозяйка была допоздна занята в церкви, поэтому визит Насти к квартиранту не должен был задеть хозяйкиного представления о благопристойности.

По-деловому осмотрев съемную холостяцкую комнату, которая всей обстановкой говорила, что жилец тут временно и корни не пускает – ни фотографий девушки, родителей, сестер-братьев, никаких следов допризывной жизни, никаких картинок для скрашивания унылой обстановки, никаких пометок в изголовье кровати в соответствии с похабной студенческой традицией об удачно завершенных случайных знакомствах, всех личных вещей на один чемодан – Настя не стала сдерживать рвущиеся у Виктора наружу чувства. Сошлись страстно, постепенно открывая больше и больше нежности друг к другу. В стратегии и тактике построения отношений между Виктором и Настей произошло волнующее событие, заставившее кровь сильнее стучать в жилах, вызвавшее взаимный восторг, изумление и желание остановить мгновение. Словами трудно передать возникшее ощущение радости, беззаботности и благодарности друг другу. Удовлетворенный и счастливый, прижимая к себе притихшую подругу, Виктор думал о случайном знакомстве с Настей, стремительно переросшем в привязанность, которую ему захотелось удержать и застраховать от влияния их окружения и соблазнов свободной жизни в Рубежанске. Он сказал то, что считал правильным в данный момент:

– Давай жить вместе. Оставайся со мной.

Реакция Насти показала, что партнеры в построении отношений, по меньшей мере, двигались на разных скоростях. Она отстранилась, одновременно подтягивая одеяло на себя, как бы восстанавливая между ним и собой дистанцию.

– И что, цветов и шоколада не будет? – молодой человек даже не осознал, о чем она спросила.

– Я понял, что ты дорога мне, и не хочу тебя ни с кем делить, не хочу тебя потерять.

Еще минуту назад у них все было синхронно и одновременно, и вот на глазах выявились несовпадения и различия. Объяснив свое предложение, Виктор почувствовал саднящее

душу разочарование, потому что не получил ожидаемого ответа. Он почувствовал себя уязвленным. Настя тем временем выскользнула с кровати и принялась спешно, спиной к партнеру, одеваться. Ее одежда – на спинке стула, его – сброшена на пол. Не поворачиваясь к Виктору, застегивая юбочную молнию по линии бедра, она произнесла:

– Если ты это предлагаешь из банальных представлений об этикете и прочего устоявшегося ханжества о гусарской чести, то это ни к чему.

– Ты считаешь, что я тороплюсь?

– Я считаю, что мы друг друга совсем не знаем, чтобы принять твое предложение. – Она уже была полностью одета и продемонстрировала полную холодность к происходящему, деловито осматривая себя в зеркальце и прихорашиваясь перед выходом на улицу.

– Будем жить вместе и все узнаем, – упрямо произнес Виктор, почувствовав неприятный укол от ее готовности легко уйти после всего, что произошло между ними в течение нескольких часов, и сделанного им предложения.

– Будем встречаться и многое узнаем. Без разочарования, – резко поправила его Настя, и по-быстрому чмокнув парня в щеку, оставила его обдумывать, что пошло не так. Радость, не успев оформиться, растворилась в сумрачной комнате. В чем он обманулся? Намерение у него было честным, без всякого трепя про высокие чувства и клятвы. Это, конечно, не красивая любовная история, но и Настя с самого начала показала, что настроена на простые и честные отношения. В чем его вина, если она предпочла постоянству спонтанность? Что ее оставило? Ему захотелось броситься следом за девушкой, чтобы переломить ход событий, но тут же порыв был задушен здравым рассуждением, что решение должна принять сама Настя, что она оставила шанс периодическим встречам между ними, опять их никак не обусловив. А еще говорят, что у женщин все переходы – от заинтересованности к любви, от любви к построению семейных планов – происходят мгновенно. Настино поведение опровергло знатоков однозначно. Секс был, оба партнера вроде бы им удовлетворены, но он еще не образовал фундамента для совместной жизни. Комната омрачилась, выпирая отсутствие уюта во всех местах.

Восстанавливая признаки благопристойности в жилище и способность здраво рассуждать в голове, Коростелев вспомнил о своей служебно-общественной нагрузке – помощи по хозяйству Валечке Сержантовой в случае, если Володя был на дежурстве в части. Встреча и разговор с другим человеком должны были сыграть психотерапевтическую роль после только что полученного по самолюбию удара.

5

Атмосфера Рубежанска пропитана ожиданием и движением с самого возникновения засечной крепости во времена императрицы Анны Иоановны на границе с дикой степью. С утра на разных площадках в местах сбора толклись, курили, рассказывали анекдоты офицеры и прапорщики до развоза их к месту службы, и для города с четырьмя воинскими частями это была заметная волна перемещения лиц в военной форме. Следом на улицы выплескивались труженики элеватора, механического завода и швейной фабрики, спешащие занять свои рабочие места в ожидании соединения руководящих указаний партии с действиями ее представителей на местах, увязки работы отраслевых органов управления и органов государственной власти, чтобы поддержать выполнением и перевыполнением плановых заданий с ростом производительности труда. За ними устремлялись те, кто отвечал за организацию процессов, развертывание социалистического соревнования, стимулирование труда совместно со служащими медицинских и образовательных заведений, мелких ателье и мастерских, магазинов и предприятий общественного питания. В течение всего дня к навесу автовокзала, имевшего в расписании рейсы по деревням района, в соседние городки, областной центр и даже в Москву, между центральной площадью и колхозным рынком стекались селяне и горожане и томились в ожидании своего часа, шурша оберткой съестных припасов или заглядывая в соседние сто-

ловую и кафе. Высокая четырехъярусная колокольня запущенного собора, преобразованного в склад, возвышалась над всей нехитрой суетой и ждала ремонта, а еще лучше, реставрации, да и весь город носил следы ненадлежащего ухода, так как сам зарабатывал мало и рассчитывал в благоустройстве только на перечисления из областного бюджета. Молодые девушки, спешившие на работу или учебу, а потом вырывавшиеся для неспешного прохода по центральной улице, искали внимания со стороны мужчин, рождения чувства и счастливой судьбы. Жены офицеров и прапорщиков ждали возврата мужей со службы, с дежурства или из командировки, повышения их в звании или должности, так как все их интересы были подчинены карьере мужей, для занятости лиц прекрасного пола в Рубежанске рабочие места были явно в дефиците. Пенсионеры – пенсии, рабочие и служащие – зарплаты, так как денег всегда не хватало, и жили от выплаты до выплаты. Любители и любительницы посудачить ждали события, и таким они часто воспринимали то, что их лично не касалось. В зону их наблюдений попадали девушки, кокетничающие с юношами, женщины, хвастающие обновками, юноши, ловящие момент в отношениях с девушками, мужчины, обсуждающие дела и действующие в силу ответственности или принятого риска, циники, обосновывающие свое личное превосходство самой передовой и верной общественной наукой с правом на элементы роскоши для их избранных. Яркие ожидания расцветивали каждый день будущих матерей, которых в городке с явным креном в пользу молодых возрастов, было немало. Интересно, а развивающийся ребенок тоже уже встраивался в вечный размен намерений, планов, обманов и разочарований? И уже понимал важность умения терпеть, когда ждешь?

Каждый будний день в доме Сержантовых будильник звонил в шесть-тридцать, и Володя прилагал все усилия, чтобы ходить на цыпочках, не потревожить супругу, в тишине завтракал и уходил к месту сбора офицеров для отправки в дивизион. И в жизни, и в службе спокойный, умный и неспешно действующий, он демонстрировал полное терпение к вынужденной диете из жареного картофеля и бутербродов, на которую Валя, тяжело переживавшая трудный период в своей жизни, перевела его. А Валечка слышала все эти шорохи и злилась, сама не зная почему. Вроде бы все шло своим ходом – живот и вес росли, координация тела и походка менялись, как положено, и она становилась все более похожей на медленно раскачивающуюся утку, иногда аппетит полностью выходил из-под контроля, и она готова была есть все подряд, но и это было нормальным в ее положении. Но вдруг обступали связанные с ним неудобства – в любой позе мешал живот, ходить тяжело, а ведь надо много двигаться, лежать было тоже неудобно, раздражали всякие запахи...

Наблюдающий ход беременности гинеколог оказался мужского пола, лысоватый толстячок, приближающийся к пенсии. Имени от волнения Валя, конечно, не запомнила, отвечала на его вопросы односложно и послушно разместились на топчане по его указанию. Доктор смазал руки кремом и добродушно сделал несколько круговых движений по выступающей части ее живота. Казалось, ее пульс подскочил до частоты ультразвука, когда она почувствовала, как гинеколог сконцентрировался на пульсации уже почти сформировавшегося человечка, чуда, спящего в ее животе. Будущая мать слышала голос доктора где-то далеко, беспечно говорящего, что все в порядке с утробным материалом, положение продольное, предлежание... Ну как так можно назвать «материалом» живое существо?! Никаких эмоций, никакого притворства. Ведь ребенок – ее единственный и желанный младенец. Валя попыталась разглядеть на лице доктора какую-либо еще незвученную им информацию и видела только нейтральное сосредоточенное выражение занятого своими делами профессионала, который в рутинном потоке занялся одним из них. Беззвучное волнение плода колыхнуло живот в тот момент, как доктор объявил:

– У вас – крупный ребенок!

И сразу стало обидно, что Володя не присутствовал при этом торжестве: крупным младенцем мог быть только мальчик. А следом тревожащая мысль: «Крупный – это что значит

для родов?» Логика боролась против эмоций, которые начали рвать ее разум. «Крупный – значит предстоят тяжелые роды». Сколько она слышала рассказов опытных теток о продолжительных и болезненных схватках... А в кино сколько раз показывали вымотанных процессом рожениц... Она чувствовала себя одинокой женщиной в тяжелой ситуации, лежа на затертом топчане гинекологического кабинета. К ней стали приходиться дурные мысли, а что если беременность продлится более девяти месяцев?

– Доктор, я рожу без проблем? – выдала свою тревогу Валя.

– Да родите вы без осложнений! – с воодушевлением бросил лысоватый доктор. – Если что – мы его подгоним. Есть ясные признаки, если что-то не так: пониженная подвижность, замедление в росте, уменьшенный объем околоплодной жидкости. – Это объяснение только испугало – зачем подвергать и мать, и ребенка ненужному риску ускоренных родов?

– А может быть задержка?

– Предрасположенность к более позднему разрешению от бремени связана с вашим ежемесячным циклом. В среднем он двадцать восемь дней с овуляцией на четырнадцатый. Если у вас были отклонения, то можно предполагать... Вы знаете свой цикл?

Валя почувствовала себя невежественной душой – никаких наблюдений за собой она не проводила, знала о существовании трудных дней каждый месяц, принимала до поры до времени их приход как данность и с радостью их задержку, когда они с Володей запланировали ребенка – не более того. По выражению ее лица доктор понял, что четкого ответа не услышит.

– Ну не переживайте –будем ориентироваться не на точную дату окончания беременности, а на должное окно – период в две-три недели.

– Со мной что-то не так? – напряженно уточнила будущая мать, с недоверием отнесясь к ответу гинеколога: две-три недели – это все-таки не мало. И тут же испугалась, что все это ставит под угрозу ее ребенка, начала беспокойно ерзать по кушетке, собирая в складки подстилку.

– А он выйдет сам? Можно ли доверять этим проверкам, регистрирующим приблизительные размеры ребенка? – Страх перед внешним вмешательством в природный процесс, едва зародившись, уже изводил Валу.

– Некоторые младенцы выходят поздно, и это нормально, – вяло, с ноткой усталости – ну сколько можно пояснять одно и то же – заметил врач, делая записи в журнал наблюдений.

Покинув гинекологический кабинет встревоженная Валя тут же бросилась в городскую библиотеку. Она стала просматривать доступную литературу по гинекологии, и обнаружила скупые подтверждения, что медицинские факты о запоздалых родах в истории зафиксированы – до пяти процентов случаев в официальном акушерстве. Пугало то, что в большинстве своем из-за большого веса они были извлечены из чрева вынужденным кесаревым сечением. Когда голова осознала, что есть норма, и что есть отклонение от нее, и что предсказать его невозможно, все тело сжалось в тревоге: как это относится к ее беременности?

На круглом столе в доме Сержантовых заняли место книги о беременности и воспитании детей. В свободное время Валя представляла себе будущего сына, приняв для себя такое решение о поле младенца на лежаке в гинекологическом кабинете, раскладывала день на периоды сна и бодрствования, и представляла, что единственной ее целью будет препятствовать ребенку кричать и плакать, научить его выражать себя, следить за временем, уметь попросить о помощи. Она горевала об отсутствии у нее нужных навыков матери, да и откуда им было взяться? Валя настойчиво читала доктора Спока, потом, закрыв книгу, волновалась, что не запомнила прочитанные рассуждения и рекомендации, потом приходила в отчаяние от сознания, что действовать нужно будет немедленно по ситуации, а не по запасенному плану. Ее охватывало чувство страха: настолько легко забеременеть, и настолько трудно выносить и поставить ребенка на ноги.

Иногда Валечка будила мужа среди ночи, чтобы сообщить ему, что она страдает в муках изнурительной мигрени. У нее мигрень появлялась и прежде, но никогда не приходила ночью,

раскалывая черепную коробку изнутри. Володя отзывался на жалобы жены, приносил завернутый в полотенце пакет со льдом, демонстрируя чувствительность к ее проблемам и ощущение собственной вины в ее мучениях. С интонацией соучастия он пытался объяснить ей, что все женщины сталкиваются с отсутствием опыта при рождении первого ребенка, подтрунивал над ее чтением тематической литературы. Чтобы иметь больше времени проводить с женой и ребенком в будущем, после рождения, Сержантов договорился с комбатом и другими сослуживцами о более частом назначении его на дежурства. Уже целый месяц Валя не видела его по несколько дней на каждой неделе. Он искренне переживал, как там она справлялась со всем этим без него, поэтому сблизился с одноклассником Коростелевым, пригласил на приготовленный им ужин и попросил Виктора хоть иногда проводить его жену, если Сержантов попадал на дежурство.

Виктор Вале понравился – простой, улыбочивый, к возложенной на себя нагрузке отнесся, как пионер воспринимал шефство над октябратской звездочкой – будет ходить по расписанию.

– Своей семьей еще обзавестись не планируешь? – спросила молодая женщина, прикрывая руками выступающий живот.

– Пока нет, – с улыбкой ответил Виктор.

– Тогда нам мало о чем будем поговорить, тебе мои переживания и волнения будут не интересны.

Новый цикл тревожных ожиданий накрыл Валечку, когда она в прочитанной литературе обнаружила, что крупные младенцы с весом более пяти килограмм не так уж и редки, а самый крупный, зафиксированный официальной медициной еще в девятнадцатом веке, перекрыл десятикилограммовый рубеж. Ну и естественно, она заключила, что достичь таких размеров мог только переносенный ребенок. Сразу запал в душу книжный факт, что последние месяцы беременности будущей матери дались нелегко, а сами родители были среднестатистических размеров. Ну чем не ее случай! При следующем визите к гинекологу Валя обрушила на него свои сомнения.

– Не переживайте вы так! – успокоил ее врач. – Родите без проблем! Все у вас хорошо. Проблемы бывают с недоношенными, а к вам это не имеет никакого отношения!

Произнесенное напутствие подействовало умиротворяюще только до новых попыток Вали узнать больше из тематической литературы. Что-то из ранее прочитанного она уже забыла и была вынуждена вернуться к повторению пройденного. При повторном чтении на первый план выступили факты, которые ранее казались несущественными и прошли мимо ее внимания. Откуда-то изнутри выросла паника: она принимала информацию порционно, а не всю сразу, в результате в голове все смешалось, она просто не могла пройти этот период своей жизни спокойно. Беременность развивалась по программе, заложенной в развитие плода-ребенка, ну откуда ему, этому маленькому беспомощному комочку жизни, знать, как это все должно быть, и когда чему срок?

А следом пришла мысль, отношение к которой еще не сформировалось – плохо это или хорошо: а может, поздние роды есть следствие неготовности матери принять всю ответственность и всю нагрузку, следующие за рождением ребенка? И таким образом природа ненамного корректировала отмеченное ею отклонение? Понимая неспособность охватить всю информацию самостоятельно, она начала требовать, чтобы и Володя читал все принесенные ею книги. Его замечание о том, что дети часто развиваются и без особого внимания со стороны родителей, Валя приняла как попытку уклониться от выполнения ее требований. В этом невероятном самокопании она дошла до заключения, что муж скрывался от нее, заявляясь на дежурства чаще, чем это можно было, ведь до конца беременности самым главным для него должна быть жизнь его жены и матери будущего ребенка.

Съемный дом Сержантовых находился сразу после центральной рубежанской площади в середине глухого переулка, по которому за день едва проезжала хоть одна машина, а соседи

не спеша проходили по своим делам и возвращались, не проявляя заметного любопытства к молодым арендаторам. До колодца, единственного на всю улицу – метров двести. Визиты Виктора, к счастью, позволяли на время разорвать изматывающее Валино самозатворничество в отсутствие мужа. Изначально он не играл никакой роли в ее жизни – ну зашел и ушел, но постепенно присутствием, разговорами, совместным времяпровождением ситуация менялась, и она предполагала его появление, поглядывала на часы в ожидании прихода. Что называется, «прониклась к нему».

Сразу после прихода Коростелева к Валечке, едва поздоровавшись, он деловито прогрохотал пустыми ведрами, быстро сходил к колодцу. Когда он вернулся и расставил все по местам, спросил:

– Как ты себя чувствуешь?

– Чтобы ты понял, как себя чувствует беременная женщина, привяжи ведро, полное воды, к животу и походи, стараясь не расплескать, – попыталась шуткой ответить Валя, но в ответ получила недоуменный взгляд. «Не поверил...»

Чтобы переключить разговор со своих ощущений и переживаний, хозяйка, пронаблюдавшая за реакцией визитера на ее ответ, огорошила его вопросом:

– Ты не помнишь свой вес при рождении?

– Как-то не удосужился запомнить, – Коростелев засимеялся.

– Мать никогда не рассказывала? Мне кажется, ты должен был появиться крупным младенцем.

– И этого я не помню.

Разговор получался в стиле тире – точка – тире: молчание – несложный обмен фразами – снова молчание.

– Налей мне воды, пожалуйста, – Валечка с выражением беспомощности попросила Виктора.

– А как выглядит пульт для пуска ракеты? – получив в руки стакан с водой, Валя попыталась завязать новый разговор.

– Пульт находится в кунге, служебном помещении Володи, и я по долгу службы туда еще не допущен. Вот сдам зачет на руководство дежурной сменой батареи – тогда...

– Ты его никогда не видел?

– Этот конкретный пульт – нет. А по логике – это должно быть что-то, как показывают в кино про Советскую армию: стойка с лампочками и переключателями.

– А кнопка на пуск ракеты?

– А их там две: одну нажимает командир батареи или начальник дежурного расчета, вторую – твой муж или солдат, его подменяющий.

– А если Володя не нажмет, начальник нажмет сразу две?

– Нет, не сумеет – они разнесены друг от друга так, что даже баскетболист с большим размахом рук не дотянется. Но по приказу Володя должен нажать, упреждая ответный удар по нашим позициям.

– Ответный удар – ядерный?

– Возможно, ведь в нашем городке четыре воинских части, и все они для обеспечения функционирования ракетного полка и его защиты.

Валя замолчала, представляя последствия возможного превентивного или ответного удара по Рубежанску. Ощущения – бр-р-р!

– Ты в партию вступать собираешься? – последовал новый неожиданный вопрос от Вали.

– От того, собираюсь ли я, мало что зависит.

– Но хотел бы?

– Для будущей карьеры не помешало бы.

– В армии остаться хочешь?

– Задумывался об этом, но пока ничего не решил, – вспомнив о своем разговоре с Княж-
ниним на эту же тему, Виктор решил дать уклончивый ответ.

– Дурных приказов командования боишься?

– Согласно устава, если приказ у меня вызывает сомнение, я могу запросить его в пись-
менном виде.

– Но это не отменяет необходимость его выполнять, – с нажимом резонировала Валя.
Виктор ничего не возразил, словно задумался. – Ты всему веришь, о чем они говорят?

– Они – это кто?

– Наши руководители, дикторы и обозреватели в телевизоре.

– Что ты имеешь в виду?

– Говорят о выполнении интернационального долга в Афганистане, но ничего не рас-
сказывают о том, что там происходит реально. Декларируют борьбу за мир, но готовятся к
войне. Говорят, что у нас накоплено вооружений, чтобы гарантировано уничтожить потенци-
ального противника, но не снижают разработку новых вооружений и их производство. Застав-
ляют выпускников вузов сдавать экзамен по научному коммунизму, но нигде не видно приме-
нения этого передового учения для улучшения жизни народа, для развития общества. Смешно
сказать, в комитете офицерских жен жены командиров не занимают никаких постов, но все
перед ними пресмыкаются, пытаются угадать их желания и реакцию. Ты политзанятия с сол-
датами проводишь?

– Да, провожу.

– И что солдаты острых вопросов не задают?

– Я стараюсь проводить занятие так, чтобы они отвечали на мои вопросы.

– Но и солдаты могут тебя о чем-то остром спросить?

– Спрашивают. Здесь главное – на любой вопрос реагировать спокойно, не бояться.

Честно отвечать.

Снова заминка в разговоре

– Ты встречаешься со своей блондинистой подругой? – Валя опять изменила направление
разговора, и заметив изумление на Витином лице, Валечка, мягко улыбаясь одними глазками,
тут же заверила: От тебя духами пахнет – а я в моем состоянии очень чувствительна к запахам.

– Кажется, мы не договаривались обсуждать мою личную жизнь, – стараясь произносить
мягко, промолвил Коростелев, удивляясь, насколько интуиция беременной женщины точно
уловила его состояние. Конечно, слух о том, что они с Настей встретились, еще не мог раз-
нестись до глухого переулка Сержантовых, хотя Виктор допускал, что секрета эта встреча не
сохранит, но и на счет духов слова Вали были преувеличением.

– Зачем она тебе? Ты мог бы найти и получше партию. У нас, у женщин, подготовка к
семейной жизни – захватывающая авантюра с глубоким расчетом. А вам, мужикам, проще –
влюбился или влип. Все равно, со стороны выглядит это одинаково, как ухаживание бычка
за приглянувшейся телочкой: два раза потерся бок о бок и уже под себя подминает. Главное,
чтобы успел отмыться, если никаких планов не строил – пошалил, и забыли славный и забав-
ный эпизод, – Валечка не только напористо объясняла свою позицию, но намекала на возмож-
ность такой тематики в их разговорах, ей казалось, что отношения с Виктором стали довери-
тельными, и ей нравилось демонстрировать заботу о нем.

– Эта девушка – не такая авантюристка, как ты сейчас представляешь, – Коростелев
попытался заступиться за Настю, жестким тоном показывая, что не хочет обсуждать поведение
девушки, явно несовпавшее с высказанным Валею подозрением.

– Жаль, что тебе не нужны мои советы, у меня ведь никаких интересов. Я кое-что в жизни
понимаю, – доверительно уточнила свою позицию Валюша и тут же добавила: – Главное, чтоб
западня не захлопнулась.

Разговор не складывался. Виктор вел себя как мальчишка, не умевший скрыть свои переживания и смятение, но пресекавший любые попытки внешнего вмешательства: смотрел растерянно и вздыхал.

– Ну ладно, ладно – вижу, что торопишься. Иди уж! – Валя великодушно освободила парня от необходимости проводить время с ней и выслушивать ее рекомендации и советы.

Знать бы куда идти? Они с Настей снова расстались без построения планов следующей встречи, без условностей, как ее можно найти. Но она такую возможность в своем ответе на его предложение оставила. Не болтаться же ему все свое свободное время в центре Рубежанска в надежде случайно столкнуться с ней или Леной, но и делать Настину подругу своей душевной поверенной казалось самой неподходящей возможностью! Любовь – все-таки личное дело, а то, что она к нему пришла, Виктор не сомневался. Он помнил, что на ней было одето, как реагировала на его предложение, что говорила, но логики ее действий не понимал... Оставалось только ждать, и самым большим разочарованием было бы потерять надежду.

6

Собрание двухгодичников для знакомства с начальником штаба дивизии проходило в учебном классе штабного здания дивизиона в присутствии подполковника Ваганова, майора Северова и капитана Левко, имевших отношение к подготовке офицеров и допуску к несению службы. Собрали всех с подменой в дежурной смене имеющимся резервом. После команд «Офицеры!» и «Вольно!» каждому из присутствующих было указано представиться с указанием звания, должности и срока службы, что заняло достаточно долгое время. Лишь после этого майор Дибунув перешел к намеченной им программе встречи.

– Мне докладывают, что в вашей среде процветают раздолбайство, расхлябанность и безответственность. Вот с этим я буду бороться, иначе боеготовность просто развалится. Вы – с теми же погонами, и спрос с вас будет на равных с кадровыми офицерами. Дисциплина – это та база, которая позволяет обыграть вероятного противника, при наличии постоянной тренировки навыков и слаженности.

Властно сжатые губы и сверкающие холодным огнем глаза начальника штаба сопровождали прочистку лейтенантских мозгов. Всем должно быть понятно, кто здесь ставит задачи и делает выводы. Привыкший к практически неограниченной власти и постоянной поддержке руководством, майор Дибунув умел повелевать, и не подчиниться его приказу было невозможно. Услышав громовые раскаты его глубокого баса, собравшиеся сразу поняли неординарность и завораживающую силу личности начальника штаба дивизии. В двадцать семь лет при майорском звании занявший полковничью должность Дибунув несомненно имел поддержку в управлении кадров ракетных войск, как минимум, и не стеснялся производить авторитарное впечатление. Его большая крепкая фигура с квадратными плечами, волевая внешность с цепким взглядом точно соответствовали определению «могучий». Обаяние личности начальника штаба дивизии туманило мозги тех, для кого сила была главным авторитетом. Оказавшись в одном кабинете с ним, лейтенанты начинали верить солдатской байке о том, что при разговоре с нарушителями дисциплины майор одной сильной рукой легко отрывал провинившегося от пола и удерживал его в воздухе при почти двухметровом росте, цитируя по памяти статьи устава для немедленного усвоения. Хотя какие основания могли быть для такого слуха, если в дивизионе таких действий он еще не совершал?! Это был первый объезд им частей соединения после назначения.

– Своеволия больше нет. Оно кончилась, как только вы получили военный билет. Война может начаться спонтанно, но отнюдь не будет неожиданной – к ней нужно готовиться долго и серьезно. Верх над противником одержит тот, кто лучше подготовлен. Моя задача – следить за подготовкой всех категорий личного состава и обеспечить ее на должном уровне. – Майор

тяжелым взглядом прошелся по лицам лейтенантов, проверяя, все ли внимают сказанному. Удовлетворившись, он отдал указание старшему по званию, но подчиненному по положению:

– Подполковник Ваганов, доложите об успехах в подготовке офицеров-двухгодичников!

С самого начала мероприятия подготовленное общение руководителя с подчиненными – это не только явление начальника младшему составу, но и руководителю лейтенантов, поэтому хотелось затеряться на общем фоне и не высовываться. Но выбранная майором Дибунным форма собрания исключила такую возможность, потому что руководитель подготовки офицеров-двухгодичников подполковник Ваганов называл каждого лейтенанта, и после установки названного столпом рядом с занятым столом докладывал о полученных лейтенантом допусках к несению службы, оценках после проверочных занятий и общих аттестационных характеристиках отношения к ратному делу. Из отслуживших год после призыва замечаний не было к Сержантову и Исаеву – все допуски, соответствующие скромным должностным позициям получены, во время проверок необходимые требования были выполнены. Майор Дибуннов заметно оживился, когда при докладе о службе Княжнина было сказано, что ему за год так и не удалось получить допуск на несения дежурства командиром боевого расчета батареи.

– Товарищ лейтенант, объясните, какие проблемы мешают вам через самоподготовку прийти к получению данного допуска?

– Я в армии по принуждению, в нее не рвался, по духу совершенно не имею никаких наклонностей к этой структуре и перспектив никаких не вижу. Поэтому, чтобы мне не читали нотации о гражданском долге и ответственности, я на службе выдаю должностной минимум, так чтобы на нарекания не напрашиваться, но и ненужных надежд никому не подавать. В должности начальника отделения заправки я выполняю все требования и обеспечиваю подготовку вверенного личного состава, но сверх этого – это превышение...

– Разве должностные требования к начальнику отделения не включают в себя подготовку и допуск к несению дежурства командиром боевого расчета батареи?

– Они включены в требования к кадровому офицеру, который службе посвящает всю свою жизнь, поэтому должен быть мотивирован к должностному росту. У меня ситуация совсем другая: я был сорван с подготовки диссертации в любимом НИИ и жду – не дождусь возврата на гражданку, чтобы реализовать свой потенциал в научной человеческой деятельности. Мы с вами, товарищ майор, одного возраста, поэтому мне в плане армейских перспектив пыжиться ни к чему, в каждой батарее одна майорская должность и пять капитанских, даже при позитивном раскладе через сколько лет я могу выйти на позицию, чтобы претендовать стать майором? – присутствующие притихли, понимая глубину вызова, брошенного подчиненным начальнику.

– А кто вам сказал, что на службе вы сами будете определять для себя задачи? Если огурец попал в рассол, то вне зависимости от его желания, он станет соленым. Вы, лейтенант – огурец, а армия – ваш рассол. Служба не рассчитана на проявление индивидуальности. Ваш подход на самостоятельное определение своих функций порицается.

– Товарищ майор! Во всех социальных отношениях, и в армии тоже, существует общепринятый договор, согласно которому каждый, занимаясь своим делом, берет на себя определенную ответственность, и мы доверяемся этому профессионализму. Мы питаемся в столовой и верим, что ингредиенты и способ приготовления пищи поваром не вызовут проблем со здоровьем. Мы садимся в самолет и верим, что летчик умеет управлять его системами и в спокойной обстановке, и при возникновении неожиданных ситуаций. Подставляясь под укол медсестре, полагаемся на ее базовую подготовку и верим, что она не повредит нашему здоровью, как минимум. Наконец, мы покупаем двести грамм колбасы или сыра в магазине и верим, что при следующем заходе в магазин сможем купить то же самое, доверяя тем, кто планирует производство товаров, их распределение и обеспечивает его. Таким образом, было бы очень разумно спросить, почему военная власть дает очень серьезное оружие первому попавшемуся

под призыв представителю мужского пола без демонстрации им сначала требующегося мастерства в его использовании и не предупреждая о последствиях? Ведь именно это происходит, когда на случайно призванных инженеров возлагают служебную ответственность, превышающую их компетенцию в вопросе, и заставляют осваивать функции командира батареи. Очень возможна трагедия, если оружие такой мощи оказывается в руках того, кто не прошел полную подготовку под руководством авторитетных наставников и не обучен правильно использовать его, в самой системе реализации служебных задач должны быть блокирующие механизмы безопасности, исключающие случайных людей на таких ролях. В любой серьезной игре, будь то футбол, теннис, преферанс, нельзя перейти в следующий тур, не завершив тур предыдущий. Любой должок вырастает в проблему, а накопленные штрафные очки никогда не сгорают, а при необоснованном переходе на новый уровень только умножаются. Вот этот моральный барьер я не могу преодолеть: у меня множество пробелов в функционировании начальником отделения, а уж брать на себя ответственность уровнем выше считаю абсолютно неэтичным.

– Заслушаться можно! – отреагировал Дибунув, откинувшись к спинке стула. – Оратор, прямо, как Троцкий. Слушаешь и начинаешь всему верить. Подполковник Ваганов, какие у вас комментарии есть к сказанному?

– Базовая подготовка призванных на службу удостоверялась военкоматами, выполнившими мобилизационные задания. – Ваганов предвидел возможный упрек в ненадлежащей организации подводки двухгодичников к получению допуска к несению службы, поэтому начал издалека. – Естественно, по прибытию в часть глубину подготовки призывников мы не проверяли, военная специальность у них указана в военных билетах, и на основании собеседования с каждым из прибывших, исходя из заявленных интересов и имевшихся должностных вакансий было принято решение о распределении лейтенантов по батареям. – Подполковник опустил в докладе «мелкую» нестыковку, когда выяснилось, что у Коростелева записанная в военном билете специальность относилась к противовоздушной обороне, и он получил свое назначение начальником ракетного стартового отделения только на основании дилетантского представления о том, что механика установки ракеты на стартовое устройство может быть схожей для разных видов войск. – Подводка к несению службы проводилась на базе теоретической подготовки и практических занятий в батареях, при получении рапортов о готовности решением проверочной комиссией по результатам экзаменовки все лейтенанты получили должностные допуски с первой попытки. Командование части не форсировало вывод лейтенантов – начальников отделений на получение допусков к несению службы командирами боевых расчетов батарей, поэтому оно затянулось, а теперь мы стоим перед серьезной проблемой: с одной стороны, при оставшемся сроке службы менее года кому-то этот шаг не представляется целесообразным, с другой стороны, если один из четырех начальников отделений в батарее не выходит на дежурство командиром боевого расчета, остальные несут такую нагрузку через неделю, что вызывает их обоснованное недовольство.

– Лейтенант, и вам своих сослуживцев не жалко? – тяжелым взглядом Дибунув уперся в Княжнина.

– Я им сочувствую, но это их жизненный выбор – быть офицером, и повышенная нагрузка и трудности – следствие их выбора, им необходимо быть озабоченными служебными аттестациями, на основании которых принимаются кадровые решения. Мне этот призыв в армию все поломал: за два года и тема диссертации может быть заиграна другим соискателем, и руководитель может смениться, и в институте может случиться реорганизация. Мне никто не сочувствует, а прыгать выше головы на службе тоже стимулов нет.

– Сейчас ты меня, лейтенант, разочаровал: ныть начал! А сначала ярко ершился – и получалось привлекательно. Ты фильм «Офицеры» смотрел? – получив от Княжнина подтверждение кивком головы, майор продолжил: – Там есть эпизод, когда командир с лицом Георгия Юматова, в открытой машине возвращается из Москвы, отказавшись от штабного назначе-

ния, а на встречу на маневры выдвигаются танки вверенной ему дивизии. Один танк замирает, из люка высовывается дерзкий танкист и спрашивает: «Вы насовсем вернулись или только вещи собрать?» Генерал, он же Юматов, онемел от такой наглости и от того, что младшему офицерскому составу важно знать о его решении. Получив ответ жены генерала «Насовсем!», танкист, на всю колонну кричит: «Насовсем!», показывая, как низшим чинам важно, чтобы начальник их не бросил ради непыльной штабной службы. Красивый сюжетный ход, вышибающий слезу, но в нем все неправда, так как в армии правит приказ, и никто не спрашивает, хочешь ты переместиться по службе или нет. Тем более, если ты кому-то симпатизируешь, так уж точно должен желать ему служебного роста, и сдвигка начальника дает шанс для повышения всем его подчиненным. – Майор с легкой иронией осмотрел присутствующих. – Главное – не застрять в разочарованиях от разрушения собственных иллюзий и ценить все хорошее, что есть вокруг. Когда заставляешь себя преодолевать, всегда приходят необходимые силы и навыки. Недавно я видел публикацию о проведенном социологами опросе «Представителям каких профессий вы больше всего доверяете?» Самый высокий процент оказался у представителей армии – выше, чем у учителей, врачей, милиции, с которыми люди сталкивается чуть ли не ежедневно. Доверие и карьерный успех всегда являются следствием того, что кто-то проявил себя в трудных обстоятельствах, показал свой характер. И вам армия такой шанс дает, и возраст совсем не помеха для реализации карьеры. Я не буду сравнивать зарплату офицера и инженера, сами знаете, что на лейтенантских позициях вы получаете на уровне начальников проектных отделов любимого НИИ, до которых требуется лет двадцать успешной работы на гражданке. Плюс довольствие и обмундирование. Я просто приведу вам живой пример: возможно, вы мало общаетесь в неслужебной обстановке со старшими товарищами в полку и не знаете, что подполковник Ваганов тоже был мобилизован со студенческой скамьи в создаваемые ракетные войска в 1959 году и после необходимой подготовки стал кадровым офицером. Таких примеров среди ваших однополчан множество. Берите пример со старшего поколения. – Лейтенанты притихли, удивленные переходом начальника штаба дивизии от сурового напора и нажима к простому человеческому разговору и неожиданным фактом из жизни подполковника-однополчанина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.